



ВОСТОЧНО ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2023.1.90

#5(90), 2023 часть 1

Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - A4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#5(90), 2023 part 1

Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal
Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

**Давид Ковалик (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

**Питер Кларквуд (Университетский
колледж Лондона)**

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

**Александр Климек (Польская академия
наук)**

**Александр Роговский (Ягеллонский
университет)**

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

**Бартош Мазуркевич (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

**Миколай Жуковский (Варшавский
университет)**

**Матеуш Маршалек (Ягеллонский
университет)**

**Шимон Матысяк (Польская академия
наук)**

**Михал Невядомский (Институт
международных отношений)**

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Kracow University of
Technology named Tadeusz Kościuszko)**

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

**Alexander Klimek (Polish Academy of
Sciences)**

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko
Cracow University of Technology)**

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

**Szymon Matysiak (Polish Academy of
Sciences)**

**Michał Niewiadomski (Institute of
International Relations)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кубарев В.В. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ СЕЛЬДЖУКОВ	4
--	---

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бобиенко О.М. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ	21
--	----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кортлеуова D.A. THE EFFECTS OF VERBAL SCHOOL BULLYING ON THE ACADEMIC PERFORMANCE OF TEENAGE VICTIMS IN KAZAKHSTAN: THE NECESSARY SUPPORT FOR VICTIMS	31
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Adilgerreyeva A.M., Baizhanov Y. A. BEYOND GRADES: EXAMINING THE LINK BETWEEN SOFT SKILLS AND ACADEMIC PERFORMANCE IN NIS AKTOBE STUDENTS	36
---	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Костин Д.М. ИНФОЦЫГАНСТВО СРЕДИ РОССИЙСКИХ БЛОГЕРОВ	42
---	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бояршев В.В., Ашурматов Д.Ф. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ	46
---	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Kubarev V.V.

doctor of history, professor
Orthodox Russian Academy

THE SELJUK DYNASTY ORIGIN

Кубарев В.В.

доктор исторических наук, профессор
Православная Русская Академия

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДИНАСТИИ СЕЛЬДЖУКОВ

Summary: The author put forward a hypothesis according to which the Seljuk's Sultans came from the Princes of the Russ – Rurikovich Kin, who eventually converted to Islam. The hypothesis was fully confirmed by the identification of the main historical figures of the Seljuk dynasty with the descendants of the Princes St. Vladimir and Yaroslav the Wise. We are talking about the rulers of Sultanate of Rum Sultan Suleiman and his descendants, as well as Tuqaq, Seljuk, Mikail, Israel, Toghrul, Alp Arslan and other Sultans. Princes and their sons from the Principality of Tmutarakan became Seljuk's Sultans, from where they conquered the countries and peoples of the Caucasus, Iran, Asia Minor and Central Asia.

Аннотация: Автор выдвинул гипотезу, по которой султаны сельджуки происходили из князей Рода Руси – Рюриковичей, со временем принявших Ислам. Гипотеза полностью подтвердилась отождествлением основных исторических фигур сельджуков с потомками князей Святого Владимира и Ярослава Мудрого. Речь идет о правителях Конийского султаната (Рума) Сулеймане и его потомках, а также Токаке, Сельджуке, Микаиле, Израиле, Тогруле, Алп-Арслане и других султанах. Султанами-сельджуками становились князья и их сыновья из княжества Тмутаракань, откуда они завоёвывали страны и народы Кавказа, Ирана, Малой и Средней Азии.

Key words: Seljuk's, Russ, Rurikovich, Tmutarakan, Princes, Sultans, Sultanate of Rum, Tuqaq, Mikail, Israel, Toghrul, Alp Arslan, St. Vladimir, Yaroslav the Wise.

Ключевые слова: Сельджуки, Русь, Рюриковичи, Тмутаракань, князья, султаны, Конийский султанат, Рум, Токак, Микаил, Израил, Торгул, Алп-Арслан, Святой Владимир, Ярослав Мудрый.

The basic material: Recently, the author suggested that the Seljuk's are representatives of an ancient royal family related to the Rurikovich, who converted to Islam. However, during the identification of Princes and Sultans, there were chronological gaps lasting more than 30 years. The names and nicknames of historical figures confused the reconstruction of events. In addition, European dating of the life of the

Sultans did not coincide with Arabic and Persian sources.

The author hypothesized that the founders of the Seljuk Dynasties were representatives of the Russ Kin, the former Princes of Tmutarakan. Let's justify this statement. Information about the Princes of Tmutarakan will be summarized in Table No. 1.

Table 1.

The Russian Princes of Tmutarakan.

No.	Name and Christian name of Prince	Years of life	Years of rule
1	Vladimir Svyatoslavich/ Basil	933-1015	978-988
2	Mstislav Vladimirovich the Brave/ Constantine	980-1036	988-1036
3	Yaroslav Vladimirovich the Wise/ George	978-1054	1036-1054
4	Gleb Svyatoslavich	1049-1078	1054-1064 1066-1068
5	Rostislav Vladimirovich/ Mikhail	1020/1038-1067	1064-1067
6	Roman Svyatoslavich the Handsome	1048/1052-1079	1069-1079
7	David Igorevich the Violent	1058-1115	1081-1083
8	Volodar Rostislavich	1041?-1124	1081-1083
9	Oleg Svyatoslavich/ Mikhail	1048/1050?-1115	1083-1094

In the East, it is believed that Seljuk Bey lived for about 100 years. According to Rashid Al-Din [1], he lived 107 years. European historians are convinced that he died in 1009 near Bukhara. At the same time, it is believed that his son Mikail (Mikhail) also died in

1009, although according to Sadr Al-Din Al-Husayni, Beg Mikail fought back in 1035 [2]. This source assures [2] that Seljuk left three sons – Mikael, Musa (Moses) and Arslan (Israel). The author Gregory Bar Hebraeus also believes [3]. According to Rashid Al-Din [1], he

had five sons plus Yusuf (Joseph) and Yunus (Jonah). The information from Sadr Al-Din Al-Husaini is doubtful, because his book first entered scientific use in 1980 and looks like a new model book.

From the whole array of contradictory data, the author stopped first at identifying Mikail and his son Tughril Beg (Prince Falcon), so that then it would be possible to identify the rest of the relatives.

Mikail/Mikhail ibn Seljuk (?-1009/1035) is the son of Seljuk, the founder of the dynasty, whose children became the rulers of the Seljuk Empire [4]. The year of the ruler's birth is unknown. Mikhail had two sons – Chaghri Beg (Falcon, Gyrfalcon) and Tughril Beg (Falcon). Beg means Prince. According to Sadr Al-Din [2], Mikhail had a third son or nephew, Ertash Yabghu. The years of life are [4] for Chaghri Beg (989-1060) and Tughril Beg (990-1063). The younger brother ruled Khorasan (northeastern Iran and Central Asia) in 1038-1063. Chaghri Beg had 4 or 6 sons – Alp Arslan (1030-1072) assumed the throne of the Empire in 1063, Qavurt (1031-1073) became the ruler of Kerman, and Yakuti – the governor of Azerbaijan, and 4 daughters.

The youngest son of Mikhail the Tughril Beg did not have children. The Sultan's totem was a falcon. The heir to the Empire was his nephew Alp Arslan (the bold lion) aka Muhammad in 1063 [5], who died in 1073. Alp Arslan had four sons and several daughters.

Let us note that the eastern dating of the life of the first Seljuk's is clearly overstated in order to make the genus more ancient than it actually is. It is doubtful that Seljuk lived 107 years, and his grandchildren 71 and 72 years in the conditions of Central Asia and in continuous wars and campaigns.

We also note that in the main source about the Russian Princes – the TBY of Nestor [6], a shift of 11 years appears in the chronology of events after the death of Yaroslav the Wise in 1054. In 1065, a double celestial phenomenon is mentioned – a total solar eclipse and a Supernova M1 outbreak of the star, which occurred in 1054. Accordingly, the dating of the events of Russia in the second half of the XI century can sometimes be overstated by 11 years.

According to the author's reconstruction, Mikhail ibn Seljuk is completely identified with Rostislav Vladimirovich, in baptism Mikhail is the son of Vladimir and grandson of Yaroslav the Wise, Prince of Tmutarakan. Years of the Prince's life is 1020?-1067. Mikhail had three sons – Rurik (Clear Falcon), Volodar, also Princes Tmutarakan, and Vasilko.

The eldest son of Mikhail with the name of the legendary Rurik was considered an outcast Prince. Information about his deeds and reign is completely absent in the Russian chronicles. Rurik had no children and died in 1092, but he managed to transfer his possessions to his brothers – Volodar and Vasilko.

So, Mikhail ibn Seljuk and Tughril Beg correspond to the Russ Princes Rostislav Vladimirovich and his son Rurik. It is also known that the children of Seljuk were Christians, like himself [2]. Over time, the Seljuk's adopted Sunni Islam. It should be noted that the dates of death of Tughril and Rurik

differ by 31 years, and the difference in the dates of death of both Mikhail's is 32 years. The received discrepancies speak about the distortion of the history of Russia and the Seljuk's in the X-XI centuries, which often happened with the chronology of Ancient Russia [7].

Mikhail was the Prince of Tmutarakan in 1064-1067 and was considered an outcast Prince without the right to the thrones of the Principalities of Russ. Relative of Rostislav Vladimirovich – Oleg Svyatoslavich, also baptized name Mikhail (1048/1050?-1115), Prince of Tmutarakan, was listed as the ruler of significant lands – Archon (ruler) Matrakhia (Taman and Kuban), Zikhiya (North Caucasus) and the whole Khazaria. These regalia are mentioned on his state seals [8]. Thus, the ruler of Tmutarakan controlled vast territories and many peoples, which was more than the possessions of traditional Ancient Russ. Therefore, the state of Tmutarakan was not a piece of land on Taman at all.

Russian historical science in the years of the Romanovs, the USSR and modern Russia tried in every possible way to belittle the role of Tmutarakan. It is believed that with the strengthening of the Cumans, Tmutarakan was separated from Russia and lost its importance in the 1130-1140s [9]. This statement is partly true, because the children of the Princes of Tmutarakan converted to Islam and founded the Seljuk Empire.

In reality, the activity of the Seljuk's was justified by the claims of the Russ – Rurik Dynasty and the Saklan dynasty of Volga Bulgaria to the throne of New Rome – Constantinople [10, 11]. After all, the Co-Emperors of New Rome at one time were the Lekapenos (Rurikovich and the Saklan dynasty, including Baltavar and Emperor Mikhail), Saint Vladimir – Co-Emperor Basil II the Bulgar Slayer, and Yaroslav the Wise – Constantine Monomachos. When Constantine Monomachos failed to transfer the throne of the Empire to his son Vsevolod even after his marriage to Princess Irina/Anna Monomachos, then part of the Russian Princes decided to take revenge for the political defeat. One of the most active supporters of the restoration of Russia to the throne of New Rome was Prince Vladimir Yaroslavich, previously a participant in military and naval campaigns against Byzantium. His sons and grandsons continued his efforts through wars and seizures of Byzantine lands.

It should be noted that the Principality of Tmutarakan, after the defeat of the Khazar Khaganate by Prince Svyatoslav, went to his son Saint Vladimir (933-1015), in the baptism Basil. Then the Principality passed to his son Mstislav Vladimirovich the Brave, in the baptism Constantine (980-1036) [6]. Mstislav's wife was Alanian the Anastasia. Mstislav was not without reason given the nickname Daredevil/Brave. In 1016, Mstislav participated in the conquest of the Crimea. In 1022, he fought victoriously with the Kasogs in modern Georgia. The King of the Kasogians Rededya challenged Mstislav to a hand-to-hand duel to avoid the victims of the angry troops, but in the fight Mstislav stabbed the enemy with a knife and the Kasogs

swore allegiance to the Prince. In 1029, Mstislav defeated the Yasov/Alans in the North Caucasus. Then the Russ-Alan army appeared at the mouth of the Kura (Azerbaijan) and in 1031 invaded Armenia (Byzantium). In 1032-1033, this army participated in battles in the Caspian region [12]. At that time, the co-ruler of Tmutarakan was Mstislav's son Eustathius. Thus, in the first half of the XI century, the Russian Princes rapidly mastered the Caucasus and Transcaucasia in a military alliance with local peoples. Mstislav allegedly died hunting and was buried in the Church of the Savior in Chernihiv. The Prince's grave has not been found in the cathedral.

The chronicle [6] says that Eustathius died in 1033, where he was buried is unknown. The author believes that Eustathius died in a religious sense. He could change his faith to Islam to advance his career among Muslims. The Prince disappeared from the field of view of Russian chroniclers. Perhaps his descendants lived in the East, having founded the Seljuk Kingdom in Eastern Bulgaria and Iran.

According to the author's reconstruction of history [7,10,11], the city Prusa (now Bursa) was the throne of Russ for many hundreds of years, and the province of Bithynia with the city of Nicaea were the family lands of Russ-Rurikovich-Flavians. After death of Constantine Monomachos/ Yaroslav the Wise in 1054, Russia lost the opportunity to dispose of its ancestral property and the right to the throne of Byzantium due

to the opposition of the Greek party of the Empire. As a result, the Princes of Tmutarakan directed their efforts to create an independent state, called the Sultanate of Rum/Rome. It should be noted that the Bulgarian source confirms the Bulgarian origin of the Seljuk's [13], because the Kin of Russ was a Christian branch of the dynasty coming from Ugyr Urus Aidar (the Great Horseman Igor), in Christianity name Leo, the eldest son of Emperor Constantine the Blind [10,11]. And then through his younger son Rurik (Lachin). In addition, Ugyr Urus Aidar [7,10,11] was the founder of the Quraysh family (ancestor of the Prophet Muhammad An-Nadr).

So, let's identify the Princes of Russ with the Seljuk Beks within the framework of the proposed concept.

The forefather is identified by the author as Saint Vladimir, whose Bulgarian name is Kubar (Red Sun). In one of the versions, it's like Svyatoslav Igorevich. Tamgas and coats of arms of Princes were called Trident (Baltavar). On Fig. 1 shows the Tamgas (coats of arms) of Svyatoslav Igorevich (7), Vladimir Svyatoslavich (1-6) and Yaroslav the Wise (8) in the form of a bow, falcon or trident. In the East, the Tamgas of Svyatoslav and Vladimir could be called the Iron Bow (the nickname is Tuqaq). In addition, Vladimir/Kubar began his military career in the 960s as a Voivode and Beg of the Khazar Khaganate [10,11,13].



Fig. 1. Coats of arms (Tamga) of the first Rurikovich.

Consequently, the Arabs called Seljuk, including Mstislav the Brave, the son of St. Vladimir.

The author assumes that the Russian name of Prince Eustaphius Mstislavovich Eustaphius vich was Mikhail. In 1033, he may have converted to Islam and settled in Eastern Bulgaria with the name Mikhail (Mikail in Bulgarian). Mikail's Sons/Eustathius began to rule in Khorasan and Iran. Chaghri Beg (Falcon) had sons – Alp Arslan (1030-1072), Kavurd-Beg (1031-1073) and possibly four more sons. Alp Arslan became the Sultan of the Seljuk Empire, and his brother Kavurd Beg assumed power in the Kerman Sultanate (1048-1196) in Iran. Eustathius and his descendants could be helped militarily by their closest relatives the Rurikovich Princes of Tmutarakan.

Mstislav the Brave had an older brother Yaroslav the Wise (978-1054). Accordingly, Eustaphius Mstislavovich also had a cousin – Vladimir Yaroslavich (1020-11052), baptized name Basil, and a nephew Rostislav Vladimirovich, baptized name Mikhail (1038-1067).

The author believes that the presence of a large number of sons of Yaroslav the Wise, as well as the birth of even more grandchildren, completely confused the Eastern chroniclers. The names of the Princes and all their relatives brought complete confusion to the identification of historical figures. Chroniclers could easily refer nephews to uncles and vice versa.

The dating of the life of Yaroslav the Wise's children is associated with the date of birth of his wife Ingegerd Olofsdóttir (1001). For example, Yaroslav the Wise, who was born in 978, allegedly married in 1019 and found a son Vladimir at the age of 42 in 1020. In addition, his son Vladimir Yaroslavovich became the Prince of Novgorod at a young age (10 years) in 1030. We are witnessing a chronological shift in the life of Yaroslav the Wise, the son of Tuqaq/Vladimir and the brother of Seljuk/Mstislav. Note that Eustaphius Mstislavich was born around the 1000, and his cousins, the sons of Yaroslav the Wise, are at least 20 years younger than him, although Yaroslav the Wise is Mstislav's older brother.

The historiography of the Seljuk Kingdom is saturated with legends and fictions in order to ensure the visible greatness and significance of a family of low origin. The chronicles are filled with small details – the number of camels, sheep and goats, gifts, small skirmishes and insults of the Begs. All this information is background in nature and is a complement of the authors of the annals. For example, the forefathers of the Seljuk's Tuqaq and Seljuk were called Voivodes of the Khazar Khaganate, and were counted among Jews or Christians, which is partly true. In their youth, they were Voivodes and converted to Christianity, and Tuqaq (Vladimir/Basil) he was a great ruler of Europe, and at the end of his life he was known as the Co-Emperor of New Rome Basil is Bulgar Slayers [10].

So, the Eastern authors of the chronicles [1-3] claim that Seljuk had three or five sons with Christian names. Mstislav had one son, but many nephews. The most significant branch of the brothers was the sons of Yaroslav, Mstislav's older brother. There were seven of

them in total, but four were related to Tmutarakan. We are talking about Svyatoslav Yaroslavich (1027-1076), Vladimir Yaroslavich (1020?-1078), Igor Yaroslavich (?-1060) and Vyacheslav Yaroslavich (1036-1057). They themselves did not reign in Tmutarakan, but their sons ruled – Gleb Svyatoslavich (?-1078), Prince of Tmutarakan (1054-1064, 1067-1068), Rostislav Vladimirovich (1038-1067), baptism name Mikhail, Prince of Tmutarakan (1064-1067), Boris Vyacheslavich (1054-1078), Prince of Tmutarakan (1077-1078) and David Igorevich the Violent (1058-1112), Prince of Tmutarakan (1081-1083). Rostislav Vladimirovich and David Igorevich were considered outcasts without rights to the thrones of Russ. Thus, we are witnessing a leap of rulers through a generation – the sons of Seljuk were not nephews, but grand-nephews.

An interesting episode is the blinding of a Russ Prince and one of the Sultans in the XI century. According to the Russ chronicles, Vasilko Rostislavovich (1066-1124) had two sons Ivan (died 1141) and Rostislav (d. 1141). For his ambitions, Vasilko was blinded in 1097 by order of his uncles – Svyatopolk Izyaslavich and David Igorevich the Violent. Sultan Masud Ghaznavi blinded his brother Muhammad in 1040 and imprisoned him. Then the throne returned to Muhammad, and Masud was chained [2]. Perhaps in the Iranian chronicles, Mikhail's children were called Seljuk's, and cousins (grandsons of Yaroslav the Wise) were counted among the Ghaznavids Sultans.

It is important to note that almost all the Princes of Tmutarakan were outcasts, that is, outcasts. Such a humiliating status said that these historical figures were building their destiny outside the borders of Ancient Russia. It should be understood that the localization of the Seljuk's in Bukhara meant the legal claims of the Russ – Rurikovich to the possession of Eastern Bulgaria.

According to the Turkic legend, Seljuk died and was buried in the city of Jand near the Aral Sea. The prototype of the Seljuk figure Mstislav Vladimirovich the Brave is allegedly buried in Chernihiv, in the Transfiguration Cathedral [6], but his grave has not been found there. In addition, it is unknown where Eustathius is buried, as well as the father of Seljuk Tuqaq. The prototype of Tuqaq, Saint Vladimir, was laid to rest in the Tithe Church of Kiev.

The burial places of the rogue Princes are not exactly known, because they are not mentioned in the chronicles and are absent in the temples of Russia. Rostislav Vladimirovich is allegedly buried in the Church of the Theotokos in Tmutarakan. However, there are no Princely burials in the only church found in the ruins of the city.

Gleb Svyatoslavich is buried in Chernihiv behind the Spas [6]. The supposed remains were examined on the Y-chromosome, which turned out to be from Haplogroup I2a [14], which contradicts the relatedness of the relics with the Princely family of Rurik (Haplogroup N1). The graves of Roman Svyatoslavich and Boris Vyacheslavich are unknown. There is a

dubious version that Oleg Svyatoslavich [15] is buried in the Transfiguration Cathedral of Chernihiv. After all, Oleg Svyatoslavich was in Tmutarakan, Bithynia, New Rome and was exiled to Rhodes [16]. It is mentioned that he was captured by the Khazars. Oleg's fate was connected with the formation of the Konya Sultanate (Rum) with its capital in Nicaea (1077), then the capital was moved to Konya (1096) [17]. David Igorevich the Violent, according to Karamzin [18], "was looking for loot and glory at sea," which means military affairs outside of Ancient Russia. There is no general opinion about the grave of David the Violent. Some believe that he died in Dorogobuzh in 1112, others believe [19] in Kiev in 1113 and was buried in the church of the Theotokos of Blachernae on Klova. There is no solid evidence of this.

In the eastern chronicles there is also no information about the burial places of the first Seljuk rulers. In the city of Rey (Iran) the Tughril Beg Tower has been standing in Iran for a thousand years. Someone considers it the tomb of Tughril/Rurik. Others call it the Tower of Caliph Yazid. It is doubtful that Sultan Tughril has found peace in Iran.

Consider the formation of the Seljuk Empire, taking into account the origin of the dynasty from the Rurik dynasty and the descendants of St. Vladimir.

We identify the Seljuk rulers, the founders of the Konya (Rum) Sultanate with the Russian Princes. The founder of the Sultanate is Suleiman ibn Qutalmish (ruled in 1077-1086). His father Qutalmish (d. 1064) was the son of Arslan/Israel (d. 1032) and the grandson of Seljuk. The author noted that Seljuk/Mstislav had one son and several nephews and many great-nephews, so figures from the Princes of Tmutarakan with a belligerent character and lack of information in the chronicles about their burials, families and heirs are suitable for the role of Arslan.

The author identifies Suleiman with Oleg I of Chernihiv (Svyatoslavich Gorislavich), baptized name Mikhaïl (1050?-1115), Prince of Tmutarakan (1083-1094). His father was Svyatoslav Yaroslavich, baptized name Nicholas (1027-1076), known in the chronicles of the Seljuk's as Qutalmish. Accordingly, Qutalmish's father was Israel/Arslan Yabghu (d. 1032). Consequently, Israel is identified as the Russian Prince Yaroslav the Wise (978-1054). Note that the name Yaroslav is pronounced by Bulgars as Ar-Aslap [13], which is consonant with Arslan. However, Yaroslav the Wise is the son of Tuqaq/Vladimir and the brother of Seljuk/Mstislav, and not the son of Seljuk. Therefore, this ancestral tree of the Seljuk's of the Sultans of Rum suggests that Seljuk is Saint Vladimir, and Tuqaq is Svyatoslav Igorevich.

Consider the fate of the children and descendants of Suleiman and Oleg Svyatoslavich. Suleiman had one son, Kilij Arslan (1079-1107), who had sons Melik-Shah/Shahinshah (1096-1118), Masud (1097-1156), Arab (1098-1129) and Tughril Arslan (1099-1129). Oleg Svyatoslavich found four sons – Igor Olgovich (d. 1147), Gleb Olgovich (1079-1138), Svyatoslav Olgovich (1106-1164) and Vsevolod Olgovich (1094-1146). Oleg's first wife was a Cuman's Princess, and

the Greek Theophano became the second. Probably, Gleb was the son of a Cuman's Princess. There are no details of Gleb Olgovich's life in the chronicles, as there are no confirmations of his reign in Kursk, so the author identifies Gleb with Kilij Arslan.

Let's look at the information in the chronicles about Oleg/Suleiman and see how the meaning of events changes, depending on the commentator's interpretations. In April 1078, Oleg arrived in Tmutarakan [20], where his brother Roman Svyatoslavich and cousins Boris Vyacheslavich, the ruling Princes of the region, were. According to the TBY [6] Oleg fought with the Poles in 1076. And in 1078, the Prince brought the troops of the "filthy" Cumans to Russia [6]:

"They caused great evil by shedding Christian blood, for which God will demand from them, and they will give an answer for the ruined Christian souls"

The author believes that Oleg led the allied forces of the Russ, Alans, Cumans and Oghuz, who captured Nicaea and Nicodemia in 1075, marking the beginning of the Konya/Sultanate of Rum. Therefore, he commanded an army of Eastern peoples, who in Russia were counted among the Cumans, used by him to solve political problems.

Oleg Svyatoslavich's actions in Byzantium were caused by the desire to return the Imperial throne of New Rome to the family of Russ, lost after the death of Yaroslav the Wise/Constantine Monomachos, as well as the return of Prusa and Bithynia, belonging to the Russ – Flavian family since the IV century. As a result, Oleg found military allies among Muslims took the name Suleiman and in 1077-1086 headed Rum/Rome. Part of Oleg's allied troops was the soldiers of Volga Bulgaria led by Khan Adam p. 40, volume II [13].

It should be noted that for the first time the combined army of Russ, Bulgars (led by Khan Adam), Cumans, Alans and Oghuzes entered the borders of Byzantium in 1071, where the battle of Manzikert took place [21]. The Islamic troops were led by Alp Arslan and his cousin/brother Suleiman. During the battle, part of the Byzantine army defected to the enemy, including the Varangians, Bulgarians and Pechenegs – blood brothers and subjects of Oleg/Suleiman, Adam and Alp Arslan. Emperor Roman IV Diogenes was captured. He paid a lot of money for his release – 1.5 million gold coins in advance and then promised an annual tribute of 360 thousand gold. The Seljuk's/Russian Princes received at their disposal considerable material resources for waging new wars of conquest and strengthening their power.

It is important to note that all the Russian Princes of Tmutarakan used the troops of the Cumans and Pechenegs in battles, and some of them married Cuman Princesses. In fact, this means that they led the armies of the peoples of the North Caucasus and the Caspian region. On the other hand, the Seljuk Sultans used a freelance army consisting of Ghilman in wars [22]. Ghilman were called people from the Northern Black Sea region and the North Caucasus. The Ghilman were not slaves, but rather nobles of the Sultans, sometimes they were part of the personal guards and guards of the

rulers. Accordingly, the armies of the Seljuk's and Tmutarakan Princes were identical.

Therefore, the concept of the Tmutarakan region included eastern peoples, as well as vast expanses, from where there was access by land and sea to the Caucasus, Eastern Bulgars (Central Asia), Iran, Anatolia and Byzantium.

In 1079 or 1080, a revolt of the Varangian guard arose in Constantinople [16]. At this time, the Emperor Nikephoros III Botaneiatas ruled. It is obvious that Oleg led the uprising of the Varangian guard, consisting mostly of Russians, in order to seize the throne of the Empire. The revolt failed, and Oleg was exiled by the Emperor to Rhodes. According to some sources [23], Oleg allegedly came to Constantinople in 1079 by force, captured by the Khazars in Tmutarakan. The author considers this argument ridiculous, because the Khazars were subordinated to Oleg and the Princes of Tmutarakan.

In 1081, the new Emperor Alexios I Komnenos, a cousin of the Princes of Russ, returned Oleg from imprisonment to Constantinople and married a noble Greek woman, Theaphano Mouzalon [16]. Then, accompanied by the Imperial fleet, Oleg returned to Tmutarakan and expelled his cousin David Igorevich and nephew Volodar Rostislavich from there. Oleg Svyatoslavich/ Suleiman recognized the primacy of New Rome over himself and received the official Title of Archon of the eastern lands is "Matrahiya, Zikhiya and all Khazaria" [8].

According to eastern sources, Alexios Komnenos and Suleiman were in long-standing friendly relations [24], so they concluded an alliance agreement, according to which Nicodemia (the capital of Bithynia) remained in the power of Suleiman. This fact confirms the fidelity of the identification of Oleg and Suleiman, as well as the kindred friendship of Alexios Komnenos with Oleg and the legitimacy of the rights of the Russ family to Bithynia and Prusa city.

Some sources claim [25] that Suleiman committed suicide or was killed during an unsuccessful battle in Aleppo in 1086. A duplicate of Sultan named Oleg at that time returned to Tmutarakan, from where he began to claim the throne of Chernihiv. For several years he was not mentioned in the annals. In 1094, Oleg led the troops of the Cumans and Muslims for the third time [6] in a campaign against Vladimir Monomachos, which committed a sin against Christians. In 1094-1097, the internecine war in Russ continued. As a result, in 1097, a Council of Princes was held in Liubich, which proclaimed peace. After 1094, Oleg became the Prince of Chernihiv and Novgorod-Seversky. Oleg Svyatoslavich was participant in several congresses of Princes, made peace with the Cumans and died in 1115. He buried in Transfiguration Cathedral of Chernihiv.

The burial place and grave of Sultan Suleiman is unknown.

In 1092-1107, the Sultanate of Rum was headed by Suleiman/Oleg's son Sultan Kilij Arslan, aka Gleb Olgovich. Kilij Arslan allegedly drowned in the Khabur River with his horse during the battle [26] at the age of

27. Perhaps Sultan Kilij is buried in the Kubbeti's-Sultan tomb, which was built by Atabeg Humartash in Mayafarikin. Contemporaries claimed that Sultan Kilij Arslan was a tolerant Muslim or Christian, because his death brought grief to local Christians [27]:

"His death caused great grief among Christians [of the East], because he was a kind husband and benevolent to believers at every opportunity"

Let's identify the ruling branch of the Seljuk dynasty, coming from Mikhail, Chaghri and Alp Arslan among the Rurikoviches, taking into account the chronological shift by one generation, based on traditional historiography.

The author has already written that the variant of the origin of the Seljuk's branch from Mikhail, identified with Eustaphius, has no confirmation in the Russian annals, therefore it is possible to focus only on eastern sources. The accuracy of the details of the description of the origin and life of Mikhail, Tughril, Chaghri and Alp Arslan is questionable, as well as the dating of the life of these figures. For example, in the battles with the Byzantines, Alp Arslan (1030-1072) is described as the head of the Seljuk army, who had a cousin Suleiman (1050?-1086) under his command, although, according to the author, he should be older than Alp Arslan.

The second variant of the appearance of the main branch of the Seljuk's corresponds to the origin of the nephew of the Seljuk's/Mstislav the Brave named Vladimir Yaroslavich, son of Yaroslav the Wise, aka Israel or Ar-Aslap.

The biography of Vladimir Yaroslavich is covered with the darkness of lies, because theoretically he was the eldest son of Yaroslav the Wise with a claim to the Title of Grand Prince in Kiev, but he became only the Prince of Novgorod and was on the sidelines all his life. The author is convinced that Vladimir Yaroslavich is the youngest son of Yaroslav's first wife named Anna [28], captured in Kiev by Boleslav of Poland in 1018. Eldest son Ilya died at the Principality in Novgorod in 1020. Consequently, Vladimir Yaroslavich was born around 1000, and not in 1020 [6]. Formally, Anna lost her honor, so her sons Ilya and Vladimir received a pejorative status.

Vladimir became the Prince of Novgorod in 1030 at the age of about 30, and not a child at 10. He also participated in the campaign against Byzantium in 1043, not as a 23-year-old youth, but as an adult warrior 43 years old. Vladimir Yaroslavich's wife is not known. The only son of the Prince named Rostislav Vladimirovich, baptized name Mikhail, could have been born around 1020, and died in 1067. Accordingly, Mikhail, aka Mikail ibn Seljuk, is the great-nephew of Seljuk, or Tuqaq in this family tree Yaroslav the Wise. Michael had three sons, and Mikail had two. The eldest sons were called Falcon – in Russ it was Rurik (1040-1092), and in the East Tughril (?-1063). Both Princes had no children. Rurik Rostislavich was an outcast until 1084.

According to the author's reconstruction, Rurik /Tughril left the East after 1063 and returned to Russia. This decision was caused by the death of Mikhail's

father, Prince of Tmutarakan, who was poisoned by Greek from the Crimea in 1064. Eastern authors claim that Mikail died in 1009, which is ridiculous. But the source [2] believes that Mikail participated in the battle in 1035.

The second son of Mikhail named Volodar Rostislavich (1041?-1124) had two sons – Vladimir (1104-1153) and Rostislav (?-1128). The date of Vladimir Volodarevich's birth reveals a forgery of the chronicle, which contradicts reality. Father Volodar Rostislavovich allegedly unexpectedly lived more than 80 years, but at the same time he was Prince of Tmutarakan only in 1081-1083.

Theoretically, Vladimir Volodarovich should claim the role of Alp Arslan, but historians have thrown him far into the future, making such an assumption obviously erroneous. According to the author's boldest estimates, Vladimir/Alp Arslan was born around 1060 and could not carry out the capture of the Armenian capital Ani in 1064 and lead the Turkic troops in 1071, as well as command his relative Suleiman. In the TBY [6] there is no data about Vladimir Volodarevich, and information from later Russian sources corresponds to a duplicate of the figure of Vladimir of a different pedigree. The Prince's burial place is unknown. In fact, the identity of Alp Arslan/Vladimir and his children disappeared from the annals of Russia. This indicates a possible change of faith by Vladimir and living in the East.

Consequently, either the chronicles of the Seljuk's and Russ of the second half of the XI century are the result of a complement of Russian and Western historians, or the figure of Alp Arslan is given a false family tree, or both versions are true.

As an option, the author suggests considering possible candidates for the person of Alp Arslan among other Russ Princes from the family of Yaroslav the

Wise. According to the years of life and death at the hands of the allies it is Prince Roman Svyatoslavich the Handsome (1048/1052-1079), Prince of Tmutarakan (1069-1079). The date of Roman's birth is not exactly known, researchers believe it to be in 1052. However, his father Svyatoslav Yaroslavich (1027-1076) married Cilicia early. Roman was the second oldest son and could have been born in 1048-1049. Therefore, the date of the Prince's birth should be omitted for 1048. Roman the Handsome is mentioned twice in the TBY [6] for 1077 and 1079, when he was Prince of Tmutarakan, and then was killed by allied Cumans in unknown lands.

So, the figure of Alp Arslan of the Eastern chronicles corresponds to the personality of Roman the Handsome, Mikhail's/Mikail cousin, the great-nephew of Seljuk/Mstislav the Brave. Roman could take part in the capture of the Armenian capital Ani (1064), in the conquest of Georgian lands in 1068 and lead the allied army of Alp Arslan and Suleiman, his second cousin Oleg Svyatoslavich, in the Battle of Manzikert (1071).

The Russian chronicles mention the battle of Nezhatina Niva/Field (1078), where several Tmutarakan Princes participated in the battle, some of whom died – Boris and Gleb. The localization of the Nezhatina Niva is unknown. The author believes that the battle could have taken place in Asia Minor. Part of the chronicles of Russ and the Princes of Tmutarakan were included in the annals of the Seljuk's and vice versa. It is possible that the internecine wars of the Russ Princes in 1078-1079 and 1097-1100 are duplicates of the wars and conquests of the Seljuk's during the formation of the Konya/Sultanate of Rum and the Sultanate in Iran.

We will summarize the data obtained on the Princes and Sultans of the Sultanate of Rum in Table No. 2.

Table 2.

Comparative table of the Sultans of Rum and Russian Princes.

No.	Name of Sultans	Years of life and reign	Name of Princes	Years of life and reign
1	Tuqaq	? - ? ? - ?	Svyatoslav Igorevich	905-972 945-972
2	Seljuk ibn Tuqaq	Died 1009 ? - ?	Vladimir Svyatoslavich/ Basil	933-1015 978-1015
3	Arslan Yabghu/ Israel	Died 1032 ? - ?	Yaroslav Vladimirovich the Wise, Ar-Aslap/ George	978-1054 1016-1054
4	Qutalmish ibn Arslan	Died 1064 ? - ?	Svyatoslav Yaroslavich/ Nicolas	1027-1076 1054-1076
5	Suleiman ibn Qutalmish	Died 1086 1077-1086	Oleg I of Chernihiv/ Mikhail (Tmutarakan)	1048-1115 1083-1094
6	Kilij Arslan ibn Suleiman	1079-1107 1092-1107	Gleb Olgovich (Tmutarakan)	1079-1138? ? - ?

We will summarize three versions of the data on the Seljuk Princes and Sultans in Table No. 3.

Table 3.

Comparative table of Seljuk Sultans and Russian Princes.

No.	Name of Sultans	Years of life and reign	Name of Princes	Years of life and reign
I-1	Tuqaq	? - ? ? - ?	Vladimir Svyatoslavich/ Basil	933-1015 978-1015
I-2	Seljuk ibn Tuqaq	Died 1009 ? - ?	Mstislav Vladimirovich the Brave/ Constantine	980-1036 988-1036
I-3	Mikail/Mikhail ibn Seljuk	Died 1035 ? - ?	Eustaphius Mstislavich	1000-1033 ? - ?
II-1	Tuqaq	? - ? ? - ?	Yaroslav Vladimirovich the Wise, Ar-Aslap/ George	978-1054 1016-1054
II-2	Seljuk ibn Tuqaq	Died 1009 ? - ?	Vladimir Yaroslavich / Basil	1000-1052 1030-1052
II-3	Mikail/Mikhail ibn Seljuk	Died 1035 ? - ?	Rostislav Vladimirovich/ Mikhail	1020-1067 1064-1067
II-4	Tughril (Falcon) ibn Mikail, not have children	990?-1063 1038-1063	Rurik (Falcon) Rostislavich, not have children	1040-1092 ? - ?
II-4	Chaghri (Gyrfalcon) ibn Mikail	990?-1060 -	Volodar Rostislavich	1041-1124 1081-1083
II-5	Alp Arslan ibn Chaghri	1030-1072 1063-1072	Vladimir Volodarich	1061- ? ? - ?
III-1	Tuqaq	? - ? ? - ?	Svyatoslav Igorevich	905-972 945-972
III-2	Seljuk ibn Tuqaq	Died 1009 ? - ?	Vladimir Svyatoslavich/ Basil	933-1015 978-1015
III-3	Arslan Yabghu / Israel	Died 1032 ? - ?	Yaroslav Vladimirovich the Wise, Ar-Aslap/ George	978-1054 1016-1054
III-4	Qutalmish ibn Arslan	Died 1064 ? - ?	Svyatoslav Yaroslavich/ Nicolas	1027-1076 1054-1076
III-5	Alp Arslan	1030-1072 1063-1072	Roman Svyatoslavich is Handsome	1048-1079 1069-1079

Основной материал статьи: Недавно автор предположил, что сельджуки являются представителями древнего царского рода, имеющего отношение к Рюриковичам, принявшим Ислам. Однако, в ходе отождествления князей и султанов, возникали хронологические разрывы длиной более 30 лет. Имена и прозвища исторических фигур запутывали реконструкцию

событий. Кроме того, европейские датировки жизни султанов не совпадали с арабскими и персидскими источниками.

Автор выдвинул гипотезу, что основателями династий сельджуков стали представители Рода Руси, бывших князьями Тмутаракани. Обоснуем это утверждение. Информацию о князьях Тмутаракани сведем в Таблицу №1.

Таблица 1.

Русские князья Тмутаракани.

№.	Имя князя и крестное имя	Годы жизни	Годы правления
1	Владимир Святославич/ Василий	933-1015	978-988
2	Мстислав Владимирович Храбрый/Константин	980-1036	988-1036
3	Ярослав Владимирович Мудрый/ Георгий	978-1054	1036-1054
4	Глеб Святославич	1049-1078	1054-1064 1066-1068
5	Ростислав Владимирович/ Михаил	1020/1038-1067	1064-1067
6	Роман Святославич Красивый	1048/1052-1079	1069-1079
7	Давыд Игоревич Буйный	1058-1115	1081-1083
8	Володарь Ростиславич	1041?-1124	1081-1083
9	Олег Святославич/ Михаил	1048/1050?-1115	1083-1094

На Востоке полагают, что Сельджук-Бей жил около 100 лет. По данным Рашида Ад-Дина [1] он прожил 107 лет. Европейские историки убеждены, что он умер в 1009 году недалеко от Бухары. При этом считается, что его сын Михаил также умер в 1009 году, хотя согласно данным Садр Ад-Дин Ал-Хусайни бек Микаил воевал ещё в 1035 году [2]. Этот источник уверяет [2], что Сельджук оставил трех сыновей – Михаила, Мусу (Моисея) и Арслана (Израиля). Также считает и автор Бар Эбрей [3]. По Рашиду Ад-Дину [1] у него было пять сыновей – еще Йусуф (Иосиф) и Йунус (Иона). Информация от Садр Ад-Дин Ал-Хусайни сомнительна, т.к. его книга впервые вошла в научный обиход в 1980 году и выглядит как новодел.

Из всего массива противоречивых данных автор остановился вначале на отождествлении Микаила и его сына Тогрул-бека (Князь Сокол), чтобы затем появилась возможность идентифицировать остальных родственников.

Микаил/Михаил ибн Сельджук (?-1009/1035) это сын Сельджука, основатель династии, дети которого стали правителями Сельжукской империи [4]. Год рождения правителя неизвестен. Михаил имел двух сыновей – Чагры-бека (Сокол, Кречет) и Тогрул-бека (Сокол). Бек означает князь. По данным Садр Ад-Дина [2] у Михаила был третий сын или племянник Эрташ Ябгу. Годы жизни составляют [4] у Чагры-бека (989-1060) и Тогрул-бека (990-1063). Младший брат правил Хорасаном (северо-восточный Иран и Средняя Азия) в 1038-1063 годах. У Чагры-бека было четыре или шесть сыновей – Алп Арслан (1030-1072) принял трон империи в 1063 году, Кавурд (1031-1073) стал правителем Кермана, а Якути – наместником Азербайджана, и 4 дочерей.

Младший сын Михаила Тогрул-бек не обрел детей. Тотемом султана был сокол. Наследником империи стал его племянник Алп Арслан (смелый лев) он же Мухаммад в 1063 году [5], который умер в 1073 году. Алп Арслан имел четырех сыновей и несколько дочерей.

Сделаем замечание, что восточные датировки жизни первых сельджуков явно завышены, дабы сделать род более древним, чем он есть на самом деле. Сомнительны утверждения в том, что Сельджук жил 107 лет, а его внуки 71 и 72 год в

условиях Средней Азии и в непрерывных войнах и походах.

Отметим также, что в основном источнике о русских князьях – ПВЛ Нестора [6] в хронологии событий после смерти Ярослава Мудрого в 1054 году появляется сдвиг на 11 лет. За 1065 год упоминается двойное небесное явление – полное солнечное затмение и вспышка сверхновой звезды M1, которые произошли в 1054 году. Соответственно датировки событий Руси во второй половине XI века иногда могут быть завышены на 11 лет.

Согласно авторской реконструкции, Михаил ибн Сельджук полностью отождествляется с Ростиславом Владимировичем, в крещении Михаилом – сыном Владимира и внуком Ярослава Мудрого, князем Тмутаракани. Годы жизни князя (1020?-1067). У Михаила были три сына – Рюрик (Ясный Сокол), Володарь, также князья Тмутаракани, и Василько.

Старший сын Михаила с именем легендарного Рюрика считался князем-изгоем. Информация о его деяниях и правлении полностью отсутствует в русских летописях. Рюрик не имел детей и умер в 1092 году, но свои владения сумел передать братьям – Володарю и Василько.

Итак, Михаил ибн Сельджук и Тогрул-бек соответствуют русским князьям Ростиславу Владимировичу и его сыну Рюрику. Известно также, что дети Сельджука были христианами, как и он сам [2]. Со временем сельджуки приняли Ислам суннитского толка. Надо отметить, что даты смерти Тогрула и Рюрика отличаются на 31 год, а разница дат смерти Михайлов есть 32 года. Полученные разночтения говорят об искажении истории Руси и Сельджуков в X-XI веках, что часто случалось с хронологией Древней Руси [7].

Михаил являлся князем Тмутаракани в 1064-1067 годах и считался князем-изгоем без права на престолы княжеств Руси. Родственник Ростислава Владимировича – Олег Святославич, также в крещении Михаил (1048/1050?-1115), князь Тмутаракани, числился властителем значительных земель – архонтом (правителем) Матрахии (Тамани и Кубани), Зихии (Северного Кавказа) и всей Хазарии. Эти регалии упомянуты на его государственных печатях [8]. Таким образом, правитель Тмутаракани контролировал огромные

территории и много народов, что было больше владений традиционной Руси. Посему государство Тмутаракань являлось вовсе не клочком земли на Тамани.

Российская историческая наука в годы Романовых, СССР и современной России пыталась всячески принизить роль Тмутаракани. Считается, что с усилением половцев Тмутаракань была отделена от Руси и потеряла своё значение в 1130-1140-х годах [9]. Это утверждение верно отчасти, т.к. дети князей Тмутаракани приняли Ислам и основали империю Сельджуков.

В реальности активность сельджуков была обоснована претензиями Рода Руси – Рюриковичей и Сакланской династии Волжской Болгарии на престол Нового Рима – Константинополя [10,11]. Ведь со-императорами Нового Рима в своё время являлись Лакапины (Рюриковичи и Сакланская династия, в том числе балтавар и император Михаил), Святой Владимир – со-император Василий Болгаробоец, а также Ярослав Мудрый – Константин Мономах. Когда Константину Мономаху не удалось передать трон империи своему сыну Всеволоду даже после его женитьбы на принцессе Ирине/Анне Мономахине, то часть русских князей решила взять реванш за политическое поражение. Одним из наиболее активных сторонников восстановления Руси на престоле Нового Рима стал князь Владимир Ярославич, ранее участник военных и морских походов против Византии. Его усилия продолжили сыновья и внуки через войны и захваты земель Византии.

Отметим, что княжество Тмутаракань после разгрома Хазарского каганата князем Святославом, досталось его сыну Святому Владимиру (933-1015), в крещении Василию. Затем княжество перешло к его сыну Мстиславу Владимировичу Храбром/Удалому, в крещении Константину (980-1036) [6]. Женой Мстислава стала аланка Анастасия. Мстислав недаром получил прозвище Удалой. В 1016 году Мстислав участвовал в завоевании Крыма. В 1022 году он победно воевал с касогами в современной Грузии. Царь касогов Редедя вызвал Мстислава на рукопашный поединок, чтобы избежать жертв среди войска, однако в схватке Мстислав зарезал противника ножом и касоги присягнули на верность князю. В 1029 году Мстислав победил ясов/аланов на Северном Кавказе. Затем русско-аланское войско появилось в устье Куры (Азербайджан) и в 1031 году вторглось в Армению (Византию). В 1032-1033 годах это войско участвовало в битвах в прикаспийском регионе [12]. В это время

соправителем Тмутаракани был сын Мстислава в крещении Евстафий. Таким образом, русские князья в первой половине XI века бурно осваивали Кавказ и Закавказье в военном союзе с местными народами. Мстислав якобы погиб на охоте и похоронен в храме Спаса в Чернигове. Могила князя в соборе не обнаружена.

В летописи [6] сказано, что Евстафий умер в 1033 году, где похоронен неизвестно. Автор полагает, что Евстафий умер в религиозном смысле. Он мог сменить веру на Ислам для продвижения карьеры среди мусульман. Князь исчез из поля зрения русских летописцев. Возможно, его потомки жили на Востоке, основав царство сельджуков в Восточном Булгаре и Иране.

Согласно авторской реконструкции истории [7,10,11], город Пруса (ныне Бурса) являлся многие сотни лет престолом Руси, а провинция Вифиния с городом Никея были семейными землями Руси-Рюриковичей-Флавиев. После смерти Константина Мономаха/Ярослава Мудрого в 1054 году Русь потеряла возможность распоряжаться своим родовым имуществом и правом на престол Византии из-за противодействия греческой партии империи. В результате князь Тмутаракани направили усилия на создание независимого государства, названного Конийским султанатом или Румом/ Римом. Отметим, что болгарский источник подтверждает болгарское происхождение сельджуков [13], ведь Род Руси являлся христианской ветвью династии, идущей от Угър Урус Айдара (Великого Всадника Игора), крестное имя Лео – старшего сына императора Константина Слепого [10,11]. И далее через его младшего сына Рюрика (Лачина). Кроме того, Угър Урус Айдар [7,10,11] был основателем рода Курайшитов (предок Пророка Мухаммеда Ан-Надр).

Идентифицируем князей Руси с беками сельджуков в рамках предложенной концепции.

Праотец Токак отождествляется автором как Святой Владимир, болгарское имя которого Кубар (Красное Солнышко). В одной из версий Токак это Святослав Игоревич. Тамги и гербы князей назывались Трезубец (балтавар). На Fig. 1 показаны тамги (гербы) Святослава Игоревича (1), Владимира Святославича (1-6) и Ярослава Мудрого (8) в виде лука, сокола или трезубца. На Востоке тамги Святослава и Владимира могли называть Железный лук (прозвище Токак). Кроме того, военную карьеру Владимир/Кубар в 960-х годах начинал в качестве воеводы и бека Хазарского каганата [10,11,13].



Fig. 1. Гербы (тамги) первых Рюриковичей.

Следовательно, Сельджуком арабы называли, в том числе, Мстислава Храброго/Удалого, сына Святого Владимира.

Автор предполагает, что русским именем князя Евстафия Мстиславовича было Михаил. В 1033 году, возможно, он принял Ислам и поселился в Восточном Булгаре с именем Михаил (Микаил по-булгарски). Сыновья Микаила/Евстафия стали править в Хорасане и Иране. Чагры-бек (Сокол) имел сыновей – Алп-Арслана (1030-1072), Кавурд-бека (1031-1073) и, возможно, еще четверых сыновей. Алп-Арслан стал султаном империи сельджуков, а его брат Кавурд-бек принял власть в Керманском султанате (1048-1196) в Иране. Евстафию и его потомкам могли помогать в военном плане их ближайшие родственники Рюриковичи, князья Тмутаракани.

У Мстислава Удалого был старший брат Ярослав Мудрый (978-1054). Соответственно, у Евстафия Мстиславовича также был двоюродный брат – Владимир Ярославич (1020?-1052), в крещении Василий, и племянник Ростислав Владимирович, в крещении Михаил (1038-1067).

Автор полагает, что наличие большого числа сыновей у Ярослава Мудрого, а также рождение еще большего количества внуков, совершенно запутали восточных летописцев. Имена князей и

всех их родственников вносили полную сумятицу в идентификацию исторических фигур. Летописцы могли легко относить племянников в дядья и наоборот.

Датировки жизни детей Ярослава Мудрого связаны с датой рождения его жены Ингергерды (1001). Например, Ярослав Мудрый, родившийся в 978 году, женился якобы в 1019 году и сына Владимира обрел в возрасте 42 года в 1020 году. Кроме того, сын Владимир Ярославович стал князем Новгорода в юном возрасте (10 лет) в 1030 году. Мы наблюдаем хронологический сдвиг в житие Ярослава Мудрого, сына Токака/Владимира и брата Сельджука/Мстислава. Отметим, что Евставий Мстиславич родился около 1000 года, а его кузены, сыновья Ярослава Мудрого, младше одного минимум на 20 лет, хотя Ярослав Мудрый старший брат Мстислава.

Историография царства сельджуков насыщена легендами и выдумками, дабы обеспечить видимое величие и значимость рода, имеющего низкое происхождение. Хроники наполнены мелкими подробностями – количеством верблюдов, баранов и коз, подарками, мелкими стычками и обидами беков. Вся эта информация носит фоновый характер и является комплотом авторов анналов. Например, праотцов сельджуков

Токака и Сельджука называли воеводами Хазарского Каганата, и причисляли к иудеям или христианам, что отчасти верно. В молодости они были воеводами и приняли христианство, а Токак (Владимир/Василий) был великим правителем Европы, а в конце жизни известен как со-император Нового Рима Василий Болгаробоец [10].

Итак, восточные авторы хроник [1-3] утверждают, что у Сельджука было трое или пятеро сыновей с христианскими именами. У Мстислава был один сын, но много племянников. Наиболее весомая ветвь братьев являлась сыновьями Ярослава, старшего брата Мстислава. Всего их было семь человек, но отношение к Тмутаракани имели четверо. Речь идет о Святославе Ярославиче (1027-1076), Владимире Ярославиче (1020?-1078), Игоре Ярославиче (?-1060) и Вячеславе Ярославиче (1036-1057). Они сами не княжили в Тмутаракани, но правили их сыновья – Глеб Святославич (?-1078), князь Тмутаракани (1054-1064, 1067-1068), Ростислав Владимирович (1038-1067) в крещении Михаил, князь Тмутаракани (1064-1067), Борис Вячеславич (1054-1078), князь Тмутаракани (1077-1078) и Давыд Игоревич Буйный (1058-1112), князь Тмутаракани (1081-1083). Ростислав Владимирович и Давыд Игоревич считались изгоями без прав на престолы Руси. Таким образом, мы наблюдаем скачок правителей через поколение – в сыновья Сельджука записали не племянников, но внучатых племянников.

Интересен эпизод с ослеплением русского князя и одного из султанов в XI веке. Согласно русским летописям Василько Ростиславович (1066-1124) имел двух сыновей Ивана (ум. 1141) и Ростислава (ум. 1141). За свои амбиции Василько был ослеплен в 1097 году по приказу дядьев – Святополка Изяславича и Давыда Игоревича Буйного. Султан Масуд Газневи ослепил своего брата Мухаммада в 1040 году и заключил в тюрьму. Затем престол вернулся к Мухаммаду, а Масуд был закован [2]. Возможно, в иранских хрониках детей Михаила называли сельджуками, а двоюродных братьев (внуков Ярослава Мудрого) причисляли к султанам Газневидам.

Важно отметить, что почти все князья Тмутаракани были изгоями, то есть отверженными. Такой униженный статус говорил, что эти исторические фигуры строили свою судьбу вне границ Древней Руси. Надо понимать, что локализация сельджуков в Бухаре означала юридические претензии Руси – Рюриковичей на владение Восточным Булгаром.

По тюркскому преданию Сельджук умер и похоронен в городе Дженд рядом с Аральским морем. Прототип фигуры Сельджука Мстислав Владимирович Храбрый якобы похоронен в Чернигове, в Спасо-Преображенском соборе [6], однако его могила там не обнаружена. Кроме того неизвестно, где похоронен Евстафий, а также отец Сельджука Токак. Прообраз Токака Святой Владимир упокоился в Десятинной церкви Киева.

Места захоронений князей-изгоев точно не известны, т.к. не упомянуты в летописях и отсутствуют в храмах Руси. Ростислав Владимирович якобы похоронен в храме Богородицы в Тмутаракани. Однако в единственной обнаруженной на руинах города церкви нет княжеских захоронений.

Глеб Святославич похоронен в Чернигове за Спасом [6]. Предполагаемые останки исследовали по Y-хромосоме, которая оказалась из гаплогруппы I2a [14], что противоречит родству мощей с княжеским родом Рюрика (гаплогруппа N1). Могилы Романа Святославича и Бориса Вячеславича неизвестны. Есть сомнительная версия, что Олег Святославич [15] похоронен в Спасо-Преображенском соборе Чернигова. Ведь Олег Святославич обретался в Тмутаракани, Вифинии, Новом Риме и был сослан на Родос [16]. Упоминается, что он был захвачен в плен хазарами. Судьба Олега была связана с формированием Конийского султаната (Рума) со столицей в Никее (1077), затем столица была перенесена в Конью (1096) [17]. Давыд Игоревич Буйный, по мнению Карамзина [18], «искал добычи и славы на море», что означает ратные дела за пределами Древней Руси. Общего мнения о могиле Давыда Буйного нет. Одни считают, что он умер в Дорогобуже в 1112 году, другие полагают [19] в Киеве в 1113 году и похоронен в церкви Влахернской Богородицы на Клове. Твердых подтверждений этого нет.

В восточных хрониках также нет сведений о местах захоронений первых правителей Сельджуков. В городе Рей/Иран тысячу лет стоит башня Тогрул-бека. Кто-то считает её усыпальницей Тогрула/Рюрика. Другие называют её башней Халифа Язида. Сомнительно, что султан Тогрул нашел покой в Иране.

Рассмотрим формирование империи сельджуков с учетом происхождения династии из рода Рюриковичей и потомков Святого Владимира.

Идентифицируем правителей сельджуков, основателей Конийского (Рума) султаната с русскими князьями. Основателем султаната считается Сулейман ибн Кутулмыш (правил в 1077-1086). Его отец Кутулмыш (ум. 1064) был сыном Арслана/Израиля (ум. 1032) и внуком Сельджука. Автор отметил, что у Сельджука/ Мстислава был один сын и несколько племянников и много внучатых племянников, поэтому на роль Арслана подходят фигуры из князей Тмутаракани с воинственным характером и отсутствием информации в хрониках об их захоронениях, семьях и наследниках.

Автор отождествляет Сулеймана с Олегом Святославичем Гориславичем, в крещении Михаилом (1050?-1115), князем Тмутаракани (1083-1094). Его отцом был Святослав Ярославич, в крещении Николай (1027-1076), известный в хрониках сельджуков как Кутулмыш. Соответственно, отцом Кутулмыша был Израиль/Арслан Ябгу (ум. 1032). Следовательно, Израиль идентифицируется как русский князь

Ярослав Мудрый (978-1054). Заметим, что имя Ярослав булгарами произносится как Ар-Аслап [13], что созвучно Арслану. Однако Ярослав Мудрый сын Токака/Владимира и брат Сельджука/Мстислава, а не сын Сельджука. Поэтому это родовое древо сельджуков султанов Рума предполагает, что Сельджук это Святой Владимир, а Токак это Святослав Игоревич.

Рассмотрим судьбу детей и потомков Сулеймана и Олега Святославича. Сулейман имел одного сына Калыч-Арслана (1079-1107), у которого были сыновья Мелик-Шах/ Шахиншах (1096-1118), Масуд (1097-1156), Араб (1098-1129) и Тогрул-Арслан (1099-1129). Олег Святославич обрел четверых сыновей – Игоря Ольговича (ум. 1147), Глеба Ольговича (1079-1138), Святослава Ольговича (1106-1164) и Всеволода Ольговича (1094-1146). Первой женой Олега была половчанка, а второй стала гречанка Феофано. Вероятно, Глеб был сыном половчанки. Деталей жизни Глеба Ольговича в летописях нет, как нет и подтверждений его княжения в Курске, поэтому автор отождествляет Глеба с Калыч-Арсланом.

Рассмотрим информацию в летописях об Олеге/Сулеймане и увидим, как меняется смысл событий, в зависимости от интерпретаций комментатора. В апреле 1078 года Олег приезжает в Тмутаракань [20], где были его брат Роман Святославич и двоюродный брат Борис Вячеславич, правящий князь региона. Согласно ПВЛ [6] Олег в 1076 году воевал с поляками. А в 1078 году князь привел на Русь войска «поганых» половцев [6]:

«великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет Бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские»

Автор полагает, что Олег возглавил союзные войска руссов, аланов, половцев и огузов, которые в 1075 году захватили Никею и Никодемию, положив начало Конийскому султанату (Руму). Поэтому он командовал войском из восточных народов, которых на Руси причисляли к половцам, используемым им для решения политических задач.

Действия Олега Святославича в Византии были вызваны стремлением вернуть имперский престол Нового Рима роду Руси, утраченному после смерти Ярослава Мудрого/ Константина Мономаха, а также возврату Прусы и Вифинии, принадлежащих роду Руси – Флавиев с IV века. В результате Олег нашел военных союзников среди мусульман, принял имя Сулейман и в 1077-1086 годах возглавил Рум/Рим. Частью союзных войск Олега стали воины Волжской Болгарии во главе с ханом Адамом стр. 40, том II [13].

Отметим, что впервые объединенное войско руссов, болгар (во главе с ханом Адамом), половцев, аланов и огузов вошли в пределы Византии в 1071 году, где состоялась битва при Манцикерте [21]. Исламские войска возглавляли Алп-Арслан и его кузен Сулейман. Во время битвы

часть византийской армии перешла на сторону противника, в том числе варяги, болгары и печенеги – кровные братья и подданные Олега/Сулеймана, Адама и Алп-Арслана. Император Роман IV Диоген попал в плен. За своё освобождение он заплатил огромные деньги – 1,5 миллиона золотых авансом и потом обещал ежегодную дань по 360 тысяч золотых. Беки сельджуки/русские князья получили в своё распоряжение значительные материальные ресурсы для ведения новых завоевательных войн и укрепления своей власти.

Важно отметить, что все русские князья Тмутаракани использовали в битвах войска половцев и печенегов, а некоторые из них женились на половецких княжнах. Фактически это означает, что они руководили армиями народов Северного Кавказа и Каспийского региона. С другой стороны, султаны сельджуки использовали в войнах вольнонаемную армию, состоящую из гулямов [22]. Гулямами называли людей из Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Гулямы не были рабами, но скорее дворянами султанов, иногда они входили в личную охрану и гвардию правителей. Соответственно, армии сельджуков и Тмутараканских князей были идентичны.

Следовательно, понятие региона Тмутаракань включало в себя восточные народы, а также огромные просторы, откуда был выход по земле и морю на Кавказ, Восточный болгар (Среднюю Азию), Иран, Анатолию и Византию.

В 1079 или 1080 году в Константинополе возник бунт варяжской гвардии [16]. В это время правил император Никифор III Вотаниат. Очевидно, что Олег возглавил восстание гвардии варягов, состоящей большей частью из руссов, с целью захвата трона империи. Бунт потерпел неудачу, и Олег был сослан императором на Родос. Согласно некоторым источникам [23], Олег якобы попал в Константинополь в 1079 году насильно, плененный хазарами в Тмутаракани. Автор полагает этот довод нелепым, т.к. хазары находились в подчинение у Олега и князей Тмутаракани.

В 1081 году новый император Алексей I Комнин, кузен князей Руси, вернул Олега из заточения в Константинополь и женил на знатной гречанке Феафано Музалон [16]. Затем в сопровождении имперского флота Олег вернулся в Тмутаракань и изгнал оттуда кузена Давыда Игоревича и племянника Володаря Ростиславича. Олег Святославич/Сулейман признал главенство Нового Рима над собой и получил официальный титул Архонта восточных земель – «Матрахии, Зихии и всей Хазарии» [8].

Согласно восточным источникам, Алексей Комнин и Сулейман находились в давних дружеских отношениях [24], поэтому они заключили союзническое соглашение, согласно которому Никодемия (столица Вифинии) осталась во власти Сулеймана. Этот факт подтверждает верность отождествление Олега и Сулеймана, а

также родственную дружбу Алексея Комнина с Олегом и законность прав рода Руси на Вифинию и Пруссу.

Некоторые источники утверждают [25], что Сулейман покончил с собой или был убит в ходе неудачной битвы в Алеппо в 1086 году. Дубликат султана по имени Олег в это время вернулся в Тмутаракань, откуда стал претендовать на престол Чернигова. Несколько лет он не упоминался в летописях. В 1094 году Олег в третий раз возглавил войска половцев и мусульман [6] в походе против Владимира Мономаха, чем совершил грех против христиан. В 1094-1097 годах продолжалась междоусобная война на Руси. В результате в 1097 году состоялся съезд князей в Любиче, провозгласивший мир. После 1094 года Олег стал князем Чернигова и Новгород-Северского. Олег Святославич был участником нескольких съездов князей, заключил мир с половцами и умер в 1115 году. Он похоронен в Спасо-Преображенском соборе Чернигова.

Место захоронения и могила султана Сулеймана неизвестна.

В 1092-1107 годах Конийский султанат (Рум) возглавлял сын Сулеймана/ Олега султан Калыч-Арслан, он же Глеб Ольгович. Калыч-Арслан время битвы якобы утонул в реке Хабур вместе с конем [26] в возрасте 27 лет. Возможно, султан Калыч похоронен в гробнице Kubbetü's-sultan, которую построил Атабек Хумарташ в Майяфарикине. Современники утверждали, что султан Калыч-Арслан был толерантным мусульманином или христианином, т.к. его смерть принесла горе местным христианам [27]:

«Его смерть вызвала великое горе среди христиан [Востока], ибо он был добрым мужем и благожелательным к верующим при каждой возможности»

Отождествим правящую ветвь династии Сельджуков, идущую от Михаила, Чагры и Алп-Арслана среди Рюриковичей при учете хронологического сдвига на одно поколение, исходя из традиционной историографии.

Автор уже писал, что вариант происхождения ветви сельджуков от Михаила, отождествяемого с Евстафием, не имеет подтверждений в русских анналах, оттого можно ориентироваться только на восточные источники. Верность деталей описания происхождения и жизни Михаила, Тогрула, Чагры и Алп-Арслана вызывают сомнения, как и датировки жизни этих фигур. Например, в битвах с византийцами Алп-Арслан (1030-1072) описан как глава армии сельджуков, у которого находился в подчинении двоюродный брат Сулейман (1050?-1086), хотя, по мнению автора, он должен быть старше Алп-Арслана.

Второй вариант появления главной ветви сельджуков соответствует происхождению от племянника Сельджука/Мстислава Храброго по имени Владимир Ярославич, сына Ярослава Мудрого, он же Израиль или Ар-Аслап.

Биография Владимира Ярославича покрыта мраком лжи, ведь теоретически он был старшим сыном Ярослава Мудрого с претензией на титул Великого Князя в Киеве, однако стал только князем Новгородом и всю жизнь был на вторых ролях. Автор убежден, что Владимир Ярославич это младший сын первой жены Ярослава по имени Анна [28], захваченной в плен в Киеве Болеславом Польским в 1018 году. Старший сын Илья умер на княжении в Новгороде в 1020 году. Следовательно, Владимир Ярославич родился около 1000 года, а не в 1020 году [6]. Формально Анна потеряла честь, поэтому её сыновья Илья и Владимир получили уничижительный статус.

Владимир стал князем Новгорода в 1030 году в возрасте около 30 лет, а не ребенком в 10 лет. Также он участвовал в походе на Византию в 1043 году не юношей 23 лет, а взрослым воином 43 лет от роду. Жена Владимира Ярославича не известна. Единственный сын князя по имени Ростислав Владимирович, в крещении Михаил, мог родиться около 1020 года, а умер в 1067 году. Соответственно, Михаил, он же Микаил ибн Сельджук внучатый племянник Сельджука, либо Токак в этом родовом древе Ярослав Мудрый. Михаил имел трех сыновей, а Микаил – двух. Старших сыновей звали Сокол – на Руси это был Рюрик (1040-1092), а на Востоке Тогрул (?-1063). Оба князя не имели детей. Рюрик Ростиславич до 1084 года был изгоем.

Согласно авторской реконструкции, Рюрик/Тогрул покинул Восток после 1063 года и вернулся на Русь. Это решение было вызвано смертью отца Михаила, князя Тмутаракани, который был отравлен греком из Крыма в 1064 году. Восточные авторы утверждают, что Микаил умер в 1009 году, что нелепо. Но источник [2] считает, что Микаил участвовал в битве в 1035 году.

Второй сын Михаила по имени Володарь Ростиславич (1041?-1124) имел двоих сыновей – Владимира (1104-1153) и Ростислава (?-1128). Дата рождения Владимира Володаревича выявляет подлог хроники, который противоречит действительности. Отец Володарь Ростиславович якобы неожиданно прожил более 80 лет, но при этом был князем Тмутаракани лишь в 1081-1083 годах.

Теоретически на роль Алп-Арслана должен претендовать Владимир Володаревич, но историки закинули его далеко в будущее, делая такое предположение заведомо ошибочным. По самым смелым оценкам автора, Владимир/Алп-Арслан родился около 1060 года и не мог осуществлять захват армянской столицы Ани в 1064 году и возглавлять войска тюрок в 1071 году, а также командовать своим родственником Сулейманом. В ПВЛ [6] отсутствуют данные о Владимире Володаревиче, а информация из поздних русских источников соответствует дубликату фигуры Владимира иной родословной. Место захоронения князя неизвестно. Фактически личности Алп-

Арслана/Владимира и его детей исчезли из летописей Руси. Это говорит о возможной смене веры Владимиром и проживания на Востоке.

Следовательно, либо хроники сельджуков и Руси периода второй половины XI века есть результат комплота российских и западных историков, либо фигуре Алп-Арслана дано ложное родовое древо, либо верны обе версии.

Как вариант автор предлагает рассмотреть возможных кандидатов персоны Алп-Арслана среди других русских князей из семьи Ярослава Мудрого. По годам жизни и смерти от рук союзников подходит князь Роман Святославич Красивый/Красный (1048/1052-1079), князь Тмутаракани (1069-1079). Дата рождения Романа точно не известна, исследователи полагают её в 1052 году. Однако его отец Святослав Ярославич (1027-1076) рано женился на Киликии. Роман был вторым по старшинству сыном и мог родиться в 1048-1049 годах. Поэтому следует опустить дату рождения князя на 1048 год. Роман Красивый упоминается дважды в ПВЛ [6] за 1077 и 1079 год, когда он обретался князем Тмутаракани, а затем был убит союзными половцами в неведомых землях.

Итак, фигура Алп-Арслана восточных летописей соответствует личности Романа Красивого, двоюродного брата Михаила/Микаила, внучатого племянника Сельджука/Мстислава Храброго. Роман мог принимать участие в захвате армянской столицы Ани (1064), в завоевании грузинских земель в 1068 году и возглавлять союзное войско Алп-Арслана и Сулеймана, своего троюродного брата Олега Святославича, в битве при Манцикерте (1071).

В русских летописях упоминается битва на Нежатиной Ниве (1078), где в сражении участвовали несколько Тмутараканских князей, часть из которых погибла – Борис и Глеб. Локализация Нежатиной Нивы неизвестна. Автор полагает, что сражение могло происходить в Малой Азии. Часть хроник Руси и князей Тмутаракани попали в анналы сельджуков и наоборот. Возможно, что междоусобные войны русских князей в 1078-1079 и 1097-1100 годах являются дубликатами войн и завоевательных походов сельджуков в период становления Конийского султаната (Рума) и султаната в Иране.

Сведем полученные данные о князьях и султанах Конийского султаната (Рума) в Таблицу № 2.

Таблица 2.

Сравнительная таблица султанов Рума и русских князей.

№.	Имена Султанов	Годы жизни и правления	Имена Князей	Годы жизни и правления
1	Токак	? - ? ? - ?	Святослав Игоревич	905-972 945-972
2	Сельджук ибн Токак	ум. 1009 ? - ?	Владимир Святославич/ Василий	933-1015 978-1015
3	Арслан Ябгу/ Исраил	ум. 1032 ? - ?	Ярослав Мудрый, Ар-Аслап/ Георгий	978-1054 1016-1054
4	Кутулмыш ибн Арслан	ум. 1064 ? - ?	Святослав Ярославич/ Николай	1027-1076 1054-1076
5	Сулейман ибн Кутулмыш	ум. 1086 1077-1086	Олег Святославич/ Михаил (Тмутаракань)	1048-1115 1083-1094
6	Калыч-Арслан ибн Сулейман	1079-1107 1092-1107	Глеб Ольгович (Тмутаракань)	1079-1138? ? - ?

Сведем три версии данных о князьях и султанах сельджуках в Таблицу № 3.

Таблица 3.

Сравнительная таблица султанов сельджуков и русских князей.

No.	Имена Султанов	Годы жизни и правления	Имена Князей	Годы жизни и правления
I-1	Токак	? - ? ? - ?	Владимир Святославич/ Василий	933-1015 978-1015
I-2	Сельджук ибн Токак	ум. 1009 ? - ?	Мстислав Владимирович Храбрый / Константин	980-1036 988-1036
I-3	Микаил ибн Сельджук	ум. 1035 ? - ?	Евстафий Мстиславич	1000-1033 ? - ?
II-1	Токак	? - ? ? - ?	Ярослав Мудрый, Ар-Аслап/ Георгий	978-1054 1016-1054
II-2	Сельджук ибн Токак	ум. 1009 ? - ?	Владимир Ярославич/ Василий	1000-1052 1030-1052
II-3	Микаил ибн Сельджук	ум. 1035 ? - ?	Ростислав Владимирович/ Михаил	1020-1067 1064-1067
II-4	Тогрул (Сокол) ибн Микаил, не было детей	990?-1063 1038-1063	Рюрик (Сокол) Ростиславич, не было детей	1040-1092 ? - ?
II-4	Чагры (Кречет) ибн Микаил	990?-1060 -	Володарь Ростиславич	1041-1124 1081-1083
II-5	Алп-Арслан ибн Чагры	1030-1072 1063-1072	Владимир Володаревич	1061- ? ? - ?
III-1	Токак	? - ? ? - ?	Святослав Игоревич	905-972 945-972
III-2	Сельджук ибн Токак	ум. 1009 ? - ?	Владимир Святославич/ Василий	933-1015 978-1015
III-3	Арслан Ябгу/ Исраил	ум. 1032 ? - ?	Ярослав Мудрый, Ар-Аслап/ Георгий	978-1054 1016-1054
III-4	Кутулмыш ибн Арслан	ум. 1064 ? - ?	Святослав Ярославич/ Николай	1027-1076 1054-1076
III-5	Алп-Арслан	1030-1072 1063-1072	Роман Святославич Красивый (Красный)	1048-1079 1069- 1079

Conclusions of our research: The author's hypothesis about the origin of the Seljuk Dynasty from among the Russian Princes of Tmutarakan, descendants of St. Vladimir, was fully confirmed. The forefathers of the Seljuk's were St. Vladimir and Yaroslav the Wise. Sultan Suleiman is identified with Oleg I of Chernihiv (Oleg Svyatoslavich), and Sultan Alp Arslan is identified with Roman Svyatoslavich Handsome. In the XI century, Princes of Tmutarakan controlled vast territories of Khazaria, Caucasus, Central Asia, Asia Minor and Iran. By the end of the XI century, with the adoption of Islam, the Seljuk's formed Empires independent of Russ. The correctness of the author's hypothesis can be confirmed by testing the DNA of the Y-chromosome of the relics of the first Seljuk Sultans, which should belong to Haplogroup N1.

Pr. Dr. Valeriy Viktorovich Kubarev. 24.05–12.06.2023.

The full text of clause under the link: <http://www.kubarev.ru/en/content/517.htm>

Выводы нашего исследования: Гипотеза автора о происхождении династии сельджуков из числа русских князей Тмутаракани, потомков Св. Владимира, полностью подтвердилась. Праотцами сельджуков являлись Св. Владимир и Ярослав Мудрый. Султан Сулейман отождествлен с Олегом

Святославичем, а султан Алп-Арслан отождествлен с Романом Святославичем Красивым. В XI веке князья Тмутаракани контролировали огромные территории Хазарии, Кавказа, Средней Азии, Малой Азии и Ирана. К концу XI века с принятием Ислама беки сельджуки образовали независимые от Руси империи. Верность гипотезы автора может подтвердить тестирование ДНК Y-хромосомы мощей первых султанов сельджуков, которые должны относиться к гаплогруппе N1.

Профессор и доктор наук, Валерий В. Кубарев. 24.05–12.06.2023.

Полный текст статьи по ссылке: <http://www.kubarev.ru/ru/content/517.htm>

Bibliography:

Библиография:

1. Рашид Ад-Дин/ Rashid al-Din Hamadani.
2. Садр Ад-Дин Ал-Хусайни, Сообщения о сельджукском государстве, сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях.
3. Абу-ль-Фарадж (Бар Эбрей)/ Gregory Bar Hebraeus.
4. Saeed Shirazi. A CONCISE HISTORY OF IRAN: From the early period to the present time. —

Ketab.com, 2017-01-06. — 355 с. — ISBN 978-1-59584-600-6.

5. Canby, Sheila R.; Beyazit, Deniz; Rugiadi, Martina; Peacock, A. C. S. Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs (англ.). — Metropolitan Museum of Art, 2016. — ISBN 9781588395894.

6. The Primary Chronicle. Tale of Bygone Years / Повесть временных лет.

7. Kubarev V.V., Vedas of Russ, IP MEDIA, M., 2009. ISBN 9781-93252567-0. Link: <http://www.kubarev.ru/ru/content/251.htm>

8. Изборник Святослава 1073 г. / Факсимильное изд. под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983. Л. 1-1 об; НПЛ. С. 18 (6586), 20 (6623); Печать с надписью «Господи, помози Михаилу, архонту Матрахии, Зихии и всей Хазарии» П Янин. Печати: Т. 1. № 29; Печать с надписью «Господи, помози Михаилу, архонту Тмутаракани».

9. Захаров В. А. Тмутараканское княжество // Сборник Русского исторического общества. — М.: Русская панорама, 2002. — Т. 4 (152). — С. 56—84.

10. Kubarev V.V., Origin of the gens Rurik, East European Scientific Journal (Warsaw, Poland), #10 (50), 2019 part 9. pp. 9–39. Link: https://eesa-journal.com/wp-content/uploads/EESA_1050_oct_2019_part_9.pdf

11. Kubarev V.V., Emperors Leкаpenos (920–945), East European Scientific Journal (Warsaw, Poland), #1 (65), 2021 part 6. pp. 26–39. Link: https://eesa-journal.com/wp-content/uploads/EESA_1_65_january_2021_part_6.pdf

12. А. А. Кудрявцев, Т. А. Невская, Ю. А. Прокопенко. Из истории народов Северного Кавказа: сборник научных статей. — Ставрополь: Ставропольский гос. университет, 2000, 2000. — Т. 3. — С. 35.

13. Бахши Иман, Джагфар Тарыхы (Летописи Джагфара) Гази-Барадж Тарыхы (Летопись Гази-Бараджа), I – III том. Бахши Иман. Джагфар Тарихы. Свод болгарских летописей 1680 г. / Изд. подготовлено Ф. Г.–Х. Нурутдиновым. Оренбург: Редакция Вестника Болгария, 1993. Том II, стр. 40.

14. I-Y91535 YTree, id:VK542. Link: <https://www.yfull.com/tree/I-Y91535/>

15. Карпов А. Ю. Владимир Мономах. — М.: Молодая гвардия, 2015. — 384 с. — ISBN 978-5-235-03755-7, стр. 153.

16. Литаврин Г. Г. Византия и славяне. — СПб.: Алетейя, 1999. — 604 с. — ISBN 5-89329-110-7, стр. 501.

17. Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. — Л.: Академии Наук СССР, 1941. — 200 с.

18. Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т. II. — С. 74.

19. М. Д. Хмыров. «Алфавитно-справочный перечень Государей Русских и замечательнейших особ их крови». СПб. 1870 г.

20. Димник, Мартин (1994). Черниговская династия, 1054–1146 гг. Папский институт средневековых исследований. ISBN 0-88844-116-9.

21. Ричард Эрнест Дюпюи, Тревор Невитт Дюпюи. Война. Полная энциклопедия. Все битвы, сражения и военные кампании мировой истории с 4-го тысячелетия до нашей эры до конца XX века / Перевод: Кац Е. А., Анваер А. Н.. — М.: Центрполиграф, 2015. — 1184 с. — ISBN 978-5-227-06272-7.

22. Daniel Pipes (1981). Slave Soldiers and Islam: The Genesis of a Military System. pp. 35, 45. ISBN 0300024479.

23. Голубовский П. В. История Северской Земли до половины XIV столетия. — Киев: Университетская тип. И. И. Завадского, 1881. — 209 с.

24. Райс Тамара Т. Сельджуки. Кочевники — завоеватели Малой Азии. — М.: Центрполиграф, 2004. — 238 с. — ISBN 5-9524-0949-0.

25. Peacock, Andrew (2013). The Seljuks of Anatolia: Court and Society in the Medieval Middle East. I.B. Tauris.

26. Demirkent I. Kilicarslan I/Islam Ansiklopedisi.–2022.–Vol. 25.–S. 396-399.

27. Matthieu (D'Edesse). Chronique de Matthieu d'Edesse 962-1136 avec la continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162, d'après trois manuscrits de la Bibliothèque impériale de Paris. — Paris: A. Durand, 1858. — 591 p.

28. Титмар Мерзебургский. Хроника. Кн. 8, гл. 32/ Thietmar of Merseburg.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК/UDC 377

Бобиенко О.М.

Кандидат педагогических наук, доцент, первый проректор.
Учреждение высшего образования Университет управления «ТИСБИ»
Россия, 420012, г. Казань, ул. Муштары, 13.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ

О.М. Bobienko

Ph.D. (Pedagogy), Associate Professor, First Vice-Rector.
The Institution of higher education University of Management «TISBI».
Russia, 420012, Kazan, st. Mushtari, 13.

ADDITIONAL PROFESSIONAL SPECIALIST'S EDUCATION: TRENDS AND DEVELOPMENT LIMITATIONS

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2023.1.90.362

Аннотация. Актуальность и практическая значимость проблематики дополнительного профессионального образования (ДПО) обусловлена динамично меняющимися внешними условиями функционирования российской системы ДПО. Цель статьи – средствами анализа и обобщения мировых практик реализации дополнительных профессиональных программ для специалистов с высшим образованием и их научно-теоретического обеспечения систематизировать современные тенденции, а также факторы, способствующие и препятствующие развитию региональных систем ДПО в России. Выявлены тенденции и ограничения развития региональных систем ДПО в России. Традиционная вузовская модель организации взаимодействия с внешней средой трансформируется: усиливается направленность на потребителей и заказчиков программ ДПО, демонстрирующая отход от «академической» парадигмы (ориентации на соответствующую область научного знания).

Abstract. The relevance and practical significance of the issues of additional professional education is due to the dynamically changing external conditions for the Russian system of additional professional education functioning. The purpose of the publication is to systematize modern trends, as well as factors that contribute to and hinder the development of regional systems of further education in Russia, by means of analyzing and summarizing world practices in the implementation of additional professional programs for specialists with higher education and their scientific and theoretical support. The tendencies and limitations of the regional additional professional education systems development in Russia are revealed. The traditional university model of organizing interaction with the external environment is being transformed: the focus on consumers and customers of FVE programs is increasing, demonstrating a departure from the “academic” paradigm (orientation to the relevant area of scientific knowledge).

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, неформальное и информальное образование, рынок труда.

Keywords: additional professional education, non-formal and informal education, labor market.

Введение

В настоящее время в мировом исследовательском и прикладном фокусе оказалось дополнительное профессиональное образование как подсистема непрерывного образования и образования взрослых. Эта проблематика определена в качестве доминирующей темы Европейского образовательного пространства на период до 2030 года [24; 37], а 2023 год объявлен Европейским годом навыков - The European Year of Skills [34].

Такая высокая актуальность и практическая значимость дополнительного профессионального образования обусловлена общемировыми тенденциями развития экономики и общества, в том числе старением населения планеты и увеличением продолжительности трудовой жизни,

что делает невозможным использование компетенций и квалификаций, полученных в базовом профессиональном образовании, на протяжении всей трудовой карьеры специалиста. Наряду с этим, скорость обновления требований к квалификации работников постоянно растет, особенно в высокотехнологичных отраслях экономики. Как было заявлено на Всемирном экономическом форуме: «Многие современные системы образования уже оторваны от навыков, необходимых для функционирования на современных рынках труда, а экспоненциальные темпы технологических и экономических изменений еще больше увеличивают разрыв между образованием и рынками труда» [35, p.34]. Кроме того, возрастание миграционных потоков обязывает правительства различных стран

использовать дополнительное профессиональное образование (ДПО) как средство социальной и трудовой интеграции.

Существуют и специфические для России факторы, актуализирующие востребованность программ ДПО. В настоящее время наша страна столкнулась с беспрецедентными структурными трансформациями в экономике, вызванными западными санкциями, что спровоцировало разбалансировку кадрового спроса на рынках труда, как по количеству подготавливаемых специалистов, так и по качеству их подготовки. Программы повышения квалификации, в том числе для студентов старших курсов вузов позволяют частично сократить эти разрывы спроса и предложения и усилить соответствие квалификации работников, включая выпускников высшей школы, изменившимся требованиям рабочих мест.

В России уровень вовлеченности населения в непрерывное образование (около 25% трудоспособных граждан) значительно ниже, чем в развитых западных странах (порядка 40%) [23]. Различные аспекты междисциплинарной научной проблематики непрерывного профессионального образования, образования взрослых и дополнительного профессионального образования выступали предметом исследований ряда специалистов (И.Д. Бурак, И.Г. Дежина, Г.А. Ключарев, Т.А. Разумова, В.В. Шеховцов и др.) и научных коллективов: Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ (И.А. Коршунов, В.М. Пешкова, П.В. Травкин, И.Д. Фрумин и др.), Центра экономики непрерывного образования Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, РАНХиГС (Е.М. Аврамова, Т.Л. Клячко, Е.А. Семионова, А.В. Федотов и др.) [1-3; 6; 10; 18-22].

В то же время динамично меняющиеся внешние условия функционирования российской системы ДПО (пандемийный кризис и последовавшие за ним структурные трансформации в экономике, вызванные западными санкциями) формируют новые, не в полной мере изученные факторы, которые необходимо учитывать при оценке состояния и выработке стратегий регионального социально-экономического развития. С учетом вышеизложенного, представляет исследовательский интерес выявление актуальных тенденций развития дополнительного профессионального образования, систематизация факторов, которые определяют это развитие, и препятствующих ему ограничений и барьеров.

Цель статьи – средствами анализа и обобщения мировых практик реализации дополнительных профессиональных программ для специалистов с высшим образованием и их научно-теоретического обеспечения систематизировать современные тенденции, а также факторы,

способствующие и препятствующие развитию региональных систем ДПО в России.

Материалы и методы исследования

Методологические основы исследования составляют:

- категориальный аппарат и принципы системно-деятельностного подхода в исследовании многофакторных социально-экономических явлений и проблем;
- подходы, используемые для получения научного знания на основе принципов компаративистики и междисциплинарности в исследованиях;
- актуальные теории и концепции развития систем высшего образования, отвечающих кадровым потребностям региональных рынков труда;
- современные теории образования взрослых (adult education), дополнительного профессионального образования (additional professional education), непрерывного профессионального образования (continuing professional education).

В качестве *объекта исследования* выступают современные мировые практики дополнительного профессионального образования специалистов с высшим образованием и модели их концептуализации, а также нормативное, управленческое и информационно-статистическое обеспечение.

Информационная база исследования включает в себя:

- академические научно-информационные ресурсы;
- действующее нормативное правовое и организационно-методическое обеспечение функционирования отечественной системы ДПО;
- отчеты международных организаций (UNESCO, OECD и др.);
- практические кейсы, содержащие описание функционирования региональных/территориальных систем ДПО в России и за рубежом;
- данные мониторинговых наблюдений Росстата по показателям, характеризующим состояние ДПО в России.

Методы исследования: метод контент-анализа, анализ, синтез, систематизация, обобщение, сравнение и сопоставление, абстрагирование.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный анализ показывает, что количество обучающихся по программам ДПО в России на протяжении многих лет традиционно ниже, чем в странах ОЭСР, и это соотношение почти не меняется [4]. За десятилетний период 2010-2020 гг. зафиксирован незначительный рост охвата работников ежегодным дополнительным образованием и профессиональным обучением с 15,8% до 22,9 % [16, с.18]. При этом 60% обучающихся осваивают дополнительные профессиональные программы в вузах страны [4, с.168]. В 2021 году дополнительное

профессиональное образование осуществлялось по 217 917 программам повышения квалификации и 52 300 программам профессиональной переподготовки¹.

В структуре типов и видов дополнительных профессиональных программ происходящие изменения не устойчивы. По данным Росстата, в последние годы усилилась востребованность относительно коротких программ повышения квалификации, а потребность в профессиональной переподготовке специалистов уменьшилась. Одной из причин этого выступает повышенная динамика обновления квалификационных требований к специалистам со стороны рынков труда и сокращение и без того сравнительно короткого жизненного цикла содержания дополнительных профессиональных программ.

При этом нельзя не отметить неоднородность российского рынка труда, для которого характерны значительные отраслевые различия в охвате работников ДПО. В значительной мере это объясняется различными нормативами периодичности повышения квалификации по профессиям отрасли (на тех предприятиях, где они есть). Так, в 2021 году наибольшая доля работников, ежегодно вовлеченных в ДПО, была зафиксирована в сегментах «добыча полезных ископаемых» (37% от общего числа работников отрасли), «энергетика» (33%), «образование» (27%), «здравоохранение» (22%). При этом из общей численности персонала, освоившего дополнительные профессиональные программы, 67% - работники с высшим образованием².

Следует указать на факторы - ограничители, которые в определенной степени обуславливают относительно медленное развитие российской системы ДПО по сравнению с аналогичными фрагментами в сегменте третичного образования развитых зарубежных стран. Прежде всего, это негативный бэкграунд развития ДПО в России, где только несколько лет назад произошла либерализация образовательного законодательства в этой сфере: отмена государственной аккредитации и жесткой привязки программ ДПО к ФГОС высшего образования. Госаккредитация, по сути, была заменена профессионально-общественной оценкой, основанной на требованиях профессиональных стандартов, и во многих вузах сегодня проводят аккредитацию программ ДПО профессиональным сообществом

соответствующего сегмента регионального рынка труда. По мнению экспертов, это еще более осложняет деятельность вузов, дополнительные профессиональные программы которых академически ориентированы и оторваны от актуальных практико-ориентированных запросов работодателей [17]. В 2021 году только 7,2% программ повышения квалификации и 7,8% программ профессиональной переподготовки прошли профессионально-общественную аккредитацию³. Содержательная оппозиция «академические – прикладные» по отношению к направленности программ ДПО долгие годы находится в фокусе исследовательской оптики и дискуссионной активности, что однако до сих пор не привело российское научно-педагогическое сообщество к согласованному решению.

В последние годы предметом многих исследований выступал вопрос отдачи от ДПО для потребителей, заказчиков и провайдеров дополнительных профессиональных программ. Обобщая результаты публикаций, можно систематизировать виды «премий» за прохождение программ ДПО для всех его стейкхолдеров и непосредственных участников. Для *региона, страны*, в целом, включенность населения в образование взрослых рассматривается как важнейший фактор повышения уровня развития человеческого капитала [18; 28] и роста объема валового регионального продукта (ВРП) на душу населения [5; 9; 13]. Связь охвата населения программами дополнительного образования с объемом ВРП в различных странах в 2009 году зафиксирована специалистами Института непрерывного образования ЮНЕСКО [40]. Эта зависимость подтверждается и в регионах России. В 2019 году взаимосвязь между ВРП на душу населения и охватом населения в возрасте 25–64 лет в субъектах РФ программами дополнительного образования сохраняла линейный характер с высоким коэффициентом корреляции более 0,5⁴.

В исследовании И.А. Коршунова и его коллег установлена связь между охватом населения дополнительной профессиональной подготовкой и объемами инвестиций в основной капитал на душу населения в регионах [9]. С дополнительным профессиональным образованием специалистов связывают также развитие предпринимательской активности населения и инновационного климата регионов [13]. Образование взрослых трактуется и

¹ Данные федерального статистического наблюдения по форме № 1-ПК «Сведения о деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам» // Интернет-сайт Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/added/>.

² Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2021. 177 с.

³ Данные федерального статистического наблюдения по форме № 1-ПК «Сведения о деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам» // Интернет-сайт Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/added/>.

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Национальные счета. Валовой региональный продукт. URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27963>.

используется на практике как инструмент решения ряда социальных проблем, например, профессиональной реабилитации людей с ОВЗ, интеграции и социализации трудовых мигрантов и т.д. [23; 38].

Для выпускников дополнительных профессиональных программ обновление квалификации, расширение профессионального профиля, освоение дополнительных компетенций во многих случаях является одним из способов укрепления социального статуса [2], развития ресурса адаптивности в условиях ускоренно меняющихся требований к квалификациям, повышения конкурентоспособности на рынке труда, в том числе вероятности успешного трудоустройства [4]. Наряду с перечисленными внеэкономическими проявлениями эффективности участия в ДПО, исследователи указывают на премию в форме повышения заработной платы [3; 15; 19], увеличения профессиональной мобильности, карьерного роста (продвижения по службе) [3]. Имеются исследования, в которых доказана положительная роль освоения дополнительных компетенций и обновления квалификации в повышении удовлетворенности работника трудом, в профилактике социально-психологических выгорания и других социально-психологических эффектах [8; 21].

Выгоды от повышения квалификации сотрудников организаций для работодателей включают прирост производительности труда и увеличение уровня конкурентоспособности предприятия, повышение качества продукции или услуг, снижение текучести кадров [2; 33; 36]. А для инновационного сегмента рынка труда отдача от дополнительного профессионального образования персонала предприятий может проявляться в виде увеличения числа патентов, опытных разработок, сокращения времени передачи продукции в серийное производство и т.д. [7]. При этом, судя по имеющимся данным, затраты на доучивание (переучивание) специалиста, как правило, существенно ниже издержек работодателя по поиску, найму и адаптации нового работника [18, с.7].

Для провайдеров программ ДПО, в т.ч. организаций высшего образования, соотношение выгод и затрат на реализацию программ ДПО зависит от управленческой модели организации этого вида деятельности и ресурсного потенциала вуза. Исследование, проведенное специалистами НИУ ВШЭ, показало, что основными организационно-управленческими условиями массовости и рентабельности реализации программ ДПО в вузе выступает стратегическое и нормативное обеспечение этих процессов, тесное взаимодействие с работодателями, высокий потенциал онлайн-форматов обучения и дистанционных компонентов, которые наиболее привлекательны для взрослых обучающихся [11].

Как и в образовании в целом, в подсистеме ДПО квалифицированных специалистов имеется

три сегмента: «формальное образование» (formal education), «неформальное образование» (non-formal education), информальное (внеинституциональное образование) (informal education). *Формальное образование* представляет собой институционально оформленную систему, в которой обучение проходит в официально признанных организациях по нормированным государством правилам и регламентам. В состав таких провайдеров программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов входят специализированные организации ДПО, научные организации, вузы и их филиалы, учебные центры и др.

Неформальное образование реализуется как организованное обучение вне официально признанных и специально предназначенных для этого структур. Это наставничество и инструктаж в трудовом коллективе; обмен знаниями на корпоративных конференциях, тренингах, мастер-классах, в специально созданных рабочих группах, профессиональных «кружках передовых технологий», «кружках качества» (совместное/взаимное обучение). Ирландские исследователи отмечают, что включенность в экономическую и образовательную деятельность в возрастных работников в роли неформальных наставников благотворно сказывается на всех участниках такого взаимодействия в компании [25].

Информальное образование осуществляется на основе собственного практического опыта и ресурсов среды и представляет собой процесс освоения знаний, ценностей, навыков посредством взаимодействия с другими людьми, медиаресурсами и путем самообразования [30]. К таким формам ДПО относят «обучающиеся сообщества» - неформальные группы людей, которые временно объединены для обсуждения лучших практик, другой профессиональной проблематики. В последние годы существенно расширилась деятельность «сообществ практиков» (прежде всего, сетевых сообществ как виртуальных практик) – групп профессионалов с общими интересами в определенной области профессиональной деятельности: форумы, группы в Интернете, чаты, стримы и т.д. Для специалистов управленческого профиля в России и зарубежом используются такие неформальные и информальные формы овладения новыми компетенциями как стратегические сессии, деловые игры, бизнес-симуляции, индивидуальный и групповой коучинг, «тимбилдинги» (тренинги командообразования), тематические клубы, бизнес-квесты и т.д.

Характерно, что по сравнению с базовым высшим образованием (бакалавриат, специалитет, магистратура) роль этих форматов модернизации квалификации более значительна. И развиваются данные подсистемы гораздо более интенсивно [31]. Анализ практики зарубежных стран показывает, что результаты полученные в неформальном и

информальном дополнительном профессиональном образовании учитываются в общем итоге профессионализации конкретного специалиста. Это осуществляется посредством т.н. «Европаспортов» (Europass), в которые заносятся освоенные компетенции, полученные при прохождении профессиональных модулей.

Другим механизмом учета накопленных образовательных результатов в ДПО выступает система личных счетов или персональных учебных аккаунтов (Personal Training Account/CPF), в которых фиксируются все верифицированные в установленном порядке образовательные достижения субъекта профессионализации. Этот инструмент был создан в 2018 году во Франции путем внесения на законодательном уровне изменений в механизм управления и финансирования непрерывного профессионального образования [29]. Система персональных учебных аккаунтов позволяет накапливать квалификации (кредиты) каждому человеку с момента выхода на рынок труда, независимо от трудового стажа или ситуации. Учетная запись сохраняется на протяжении всей трудовой карьеры специалиста и полностью переносится при смене профессии или места работы.

В России как в официальной статистике, так и в образовательной практике новые компетенции профессионала, освоенные посредством обучения на рабочем месте, сетевых коммуникаций и путем самообразования, не валидируются и не учитываются как верифицированный образовательный результат, поскольку не сформирован соответствующий организационный механизм. Развивающиеся в последние годы процедуры независимой оценки квалификаций специалистов в центрах Национальной системы квалификаций РФ могут восполнить этот пробел посредством специальной системы подтверждения знаний, умений, компетенций соискателя квалификации⁵.

Проведенный анализ практики реализации дополнительных профессиональных программ и ее отражения в современном научно-методическом дискурсе выявил ряд выраженных тенденций эволюции российской системы ДПО для специалистов с высшим образованием. Прежде всего, обращают на себя внимание усиление роли государства в развитии системы ДПО, которая начала рассматриваться как приоритет государственной социальной политики. Имплементация этого приоритета выражена в мероприятиях государственной поддержки, в том числе в государственных (федеральных и региональных) программах, содержащих задачи

развития ДПО и/или включающих повышение квалификации и профессиональную переподготовку специалистов как инструмент достижения иных программных целей (например, инновационного развития отрасли).⁶

В качестве второй заметной тенденции развития ДПО можно констатировать усиление вариативности этой системы. В диссертационном исследовании Е.Н. Чикилевой подтвержден факт институциональной диверсификации в процессе эволюции российской системы СПО, которая проявляется в росте многообразия организаций, реализующих программы повышения квалификации и переподготовки специалистов с высшим образованием [21]. Если ранее этим занимались специализированные (как правило, отраслевые) организации ДПО и подразделения вузов (бизнес-школы, факультеты, отделения), то сегодня такие программы реализуют и корпоративные (внутрифирменные) образовательные структуры, и учебные центры службы занятости населения, а также индивидуальные предприниматели (в части программ профессионального обучения), автономные некоммерческие организации, частные структуры и т.д.

Можно отметить также усиление разнообразия содержания и форм реализации дополнительных профессиональных программ, а также технологическую диверсификацию, проявляющуюся как расширение номенклатуры используемых образовательных технологий (дистанционное, электронное, онлайн обучение) и снижение технологической унификации. Уровень вариативности системы является одним из признаков ее развития.

Еще одной тенденцией развития ДПО является трансформация структуры потребителей дополнительных профессиональных программ, спрос на которые со стороны работодателей для повышения квалификации персонала заметно снизился, особенно для программ профессиональной переподготовки. Это происходит, прежде всего, из-за экономической рецессии во многих отраслях и требует обращения к таким группам потребителей дополнительных профессиональных программ, которые могли бы «заместить» на данном этапе персонал региональных предприятий/организаций как довольно значительную категорию обучающихся. Поэтому маркетинговую политику вузов целесообразно переориентировать на группы населения региона в трудоспособном возрасте, оказавшиеся не востребованными на рынке труда из-за изменений кадрового спроса, которые могут принять решение о смене профессии или

⁵ Реестр сведений о проведении независимой оценки квалификации // Национальное агентство развития квалификаций. URL: <https://nok-nark.ru/>.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 800 «О реализации

мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/603677365>.

изменении своего профессионального профиля и типа трудовой карьеры. Кроме того, представляется целесообразным существенное расширение целевых групп студентов других образовательных организаций региона, которые мотивированы на освоение во время обучения дополнительных «страхующих» квалификаций.

Очевидно, что для решения таких задач «портфель» программ повышения квалификации специалистов должен быть максимально диверсифицирован. Структурная компоновка таких программ предполагает дифференциацию учебного контента на мелкие элементы (профессиональные модули), в рамках которых осваивается 1-2 компетенции, а общая совокупность ориентирована на овладение новым видом деятельности. Так реализуется принцип «наращивания» компетенций и квалификаций. Он предполагает учет имеющихся знаний и умений обучающихся и фиксированную форму их верификации и подтверждения (например, посредством механизма независимой оценки). Следует отметить, что на концепции микрокредитов (microcredentials) в настоящее время основана практика непрерывного профессионального образования в европейских колледжах и университетах [26; 27; 32; 39]. В нашей стране долгие годы преобладали «длинные» программы профессионального образования, методологическим обоснованием которых выступает принцип фундаментальности образования. Поэтому и модель дифференциации содержания образования на дробные составляющие с присвоением «микроквалификации», задающая гибкость и практико-ориентированность обучения, почти не использовалась.

Судя по результатам анализа российских практик, в последние годы начала проявляться тенденция *возрастания уровня персонализации программ повышения квалификации* специалистов. Фиксируется расширение возможностей выбора образовательных траекторий обучающимися; возникли и широко распространились гибридные формы обучения по дополнительным профессиональным программам с возможностью для обучающихся комбинировать очное, заочное, онлайн обучение, экстернат в зависимости от личных предпочтений и возможностей. Последний тренд в значительной степени был спровоцирован необходимостью обеспечения доступа потребителей к программам ДПО в период пандемийных ограничений. Эту тенденцию можно квалифицировать как *переход к клиентоцентричной модели* вузовских структур, реализующих программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Анализ практики свидетельствует также о *росте доли кастомизированных программ*, которые создаются по запросам заказчиков, под

конкретное рабочее место. В ряде случаев провайдеры предлагают работодателям самим формировать содержание программ, компоуя их из отдельных «кубиков» (модулей) в зависимости от специфики требуемой на выходе квалификации (совокупности компетенций)⁷.

Еще одна заметная тенденция связана с изменением *соотношения специальных и универсальных компетенций*, заявляемых в качестве образовательных результатов дополнительных профессиональных программ. В результате анализа в период локдауна образовательных онлайн-курсов для взрослых на трех российских платформах-интеграторах («Россия – страна возможностей», «Академия HeadHunter» и Edumarket) выявлено доминирование программ освоения надпрофессиональных компетенций: стрессоустойчивости, продуктивности, лидерства, управления коллективом, развития собственного дела и бизнеса [12].

Анализ практики реализации дополнительных профессиональных программ позволил выявить факторы, препятствующие развитию региональных систем ДПО (ограничения и барьеры развития). Кроме уже упомянутых выше, можно назвать отсутствие в российском трудовом законодательстве гарантий реализации права специалиста на дополнительное образование в рамках профессиональной карьеры. Такое право работников закреплено в Трудовом Кодексе РФ, но не подкреплено законодательно оформленной ответственностью работодателя. Кроме того, исполнение обязанностей регулярного повышения квалификации персонала предприятий/организаций не стимулируется какими-либо преференциями со стороны государства.

В качестве барьера развития ДПО в России можно также назвать отсутствие в учетных данных специалистов на различных этапах его профессионализации верифицированных и систематизированных сведений о неформальном и информальном повышении квалификации и профессиональной переподготовке, что искажает оценки компетенций и квалификаций работников. Утвердить такой механизм валидации и учета образовательных результатов, полученных вне формального образования, важно еще и потому, что зачет дисциплин (модулей), освоенных в рамках предшествующих программ дополнительного и дополнительного профессионального образования, позволит сократить сроки освоения основных программ высшего образования.

Многие эксперты указывают на недостаточную готовность преподавателей высшей школы к реализации персонализированных и практико-ориентированных программ ДПО [4; 17; 22]. В ряде работ фиксируется недостаточность

⁷ Конструктор программ для корпоративных заказчиков: Создайте свою уникальную программу

// Центр подготовки РКЦТ РАНХиГС. URL: <https://cdto.ranepa.ru/program-creator>.

материально-технической базы, лабораторного оборудования, компьютерных симуляторов и других технических средств реализации программ ДПО для специалистов предприятий высокотехнологичных отраслей [7; 11; 14]. Эти ограничения можно преодолеть, объединяясь с ресурсными центрами, колледжами, региональными организациями реального сектора экономики для реализации сетевых образовательных программ. Однако данный резерв оптимизации ресурсного обеспечения ДПО в России пока еще широко не используется.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, можно констатировать, что характер процессов, происходящих в российской системе ДПО специалистов с высшим образованием, в целом, можно оценивать как поступательное развитие. Об этом свидетельствуют следующие факты: усиление вариативности, клиентоориентированности и практико-ориентированности программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, включение задач совершенствования ДПО в приоритеты государственной социальной политики, а также частичная реализация этих приоритетов посредством государственных программ и проектов. Традиционная вузовская модель организации взаимодействия с внешней средой трансформируется: постепенно усиливается направленность на потребителей и заказчиков программ ДПО, демонстрирующая отход от «академической» парадигмы (ориентации на соответствующую область научного знания).

В то же время существует ряд ограничений, снятие которых позволит придать дополнительный импульс развитию ДПО специалистов. Среди них: дополнение и корректировка законодательной базы с целью усиления ответственности работодателей за регулярное повышение квалификации персонала и стимулирование этих процессов; внедрение механизма регистрации результатов неформального/информального дополнительного образования специалистов и учета их в процедурах оценки квалификаций; подготовка преподавательского состава вузов к деятельности в системе образованию взрослых; расширение практики реализации сетевых дополнительных профессиональных программ, обеспечивающих консолидацию ресурсов различных структур и повышающих эффективность ДПО. Фокусируясь на перспективе, следует признать, что расширение «портфеля» дополнительных профессиональных программ в российских вузах является важным направлением корректировки их стратегии развития, в том числе в связи с демографическими тенденциями последних лет и снижением спроса на этот уровень образования со стороны молодежи.

Список литературы

Аврамова Е.М., Каравай А.В., Клячко Т.Л., Логинов Д.М. Мониторинг дополнительного профессионального образования в России. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 96 с.

Бурак И.Д. Дополнительное профессиональное образование как фактор развития трудовой карьеры: автореферат дисс. ... канд. эк. наук. М, МГУ, 2018. 38 с.

Бурак И.Д., Разумова Т.О. Влияние дополнительного профессионального образования на трудовую карьеру работника // Вестник Воронежского государственного университета. 2018. № 1. С. 114–122.

Век живи — век учись: непрерывное образование в России / И.А. Коршунов, О.С. Гапонова, В.М. Пешкова; под ред. И.Д. Фрумина, И.А. Коршунова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 310 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1779-6.

Воронин А.В. Дополнительное профессиональное образование как способ улучшить экономическую ситуацию регионов // Перспективы науки. 2021. №7 (142). С.168-172

Воронин В.Н. Роль дополнительного профессионального образования в системе непрерывного образования // Стандарты и качество. 2021. № 9. С. 63–69.

Дежина И.Г., Ключарев Г.А. 2018. Российское образование для инновационной экономики: «болевы точки» // Социологические исследования. № 9. С. 40–48. DOI: 10.31857/S013216250001957-5.

Кармаева Н.Н., Захаров А.Б. Неэкономические эффекты дополнительного профессионального образования для российских работников // Экономическая социология. Т. 22. № 2. Март 2021 С.81-108 С.94-95.

Коршунов И.А., Гапонова О.С., Гапонова Н.С. Обучение и образование взрослых в контексте экономического развития регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 1. С. 107-120. DOI 10.17059/2019-1-9.

Коршунов И.А., Кужелева К.С., Грачев Б.А., Сергеев К.А. Обучение и образование взрослых: востребованные программы, возрастная и отраслевая структуры. Факты образования № 1 (16). М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 32 с.

Коршунов И.А., Ширкова Н.Н., Сжённов Е.С., Ефремов И.А., Чахоян Г.А. Управленческие практики и результативность вузов в реализации непрерывного образования // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 1. С. 9–34. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-32-1-9-34.

Коршунов И.А., Ширкова Н.Н. Программы обучения взрослого населения в условиях социального дистанцирования: анализ данных платформ-интеграторов // «Мониторинг экономики образования». Вып. № 25. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020. 10 с.

Непрерывное образование работников в Российской Федерации и регионах / Национальный



исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. (Факты образования № 7 (32)). М.: НИУ ВШЭ, 2020. 36 с.

Нотова С.В., Подосенова И.А. Система ДПО как основа непрерывного профессионального образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 8-9. С. 134-143. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-134-143.

Обучение участников федерального проекта «Содействие занятости» повышает их заработную плату // Мониторинг экономики образования. Информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований. Выпуск № 2, 2022. НИУ «Высшая школа экономики», 2022. 10 с.

Переподготовка как ответ на вызовы нового мира работы. Аналитический отчет. М.: АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка», 2021. 78 с.

Равочкин Н.Н. Перспективы дополнительного профессионального образования в российских вузах // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, № 4. С. 1410–1417. DOI: 10.15372/PEMW20170410.

Разумова Т.О., Бурак И.Д. Дополнительное профессиональное образование как фактор развития человеческого капитала: вопросы теории // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 5. С. 3–14.

Травкин П.В. Оценка отдачи от дополнительного профессионального обучения российских работников: подход с учетом влияния способностей на заработную плату: препринт WP15/2013/02 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. 64 с. URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=2314> (дата обращения: 20.06.2023).

Федотов А.В., Беляков С.А., Клячко Т.Л., Полушкина Е.А. Периодичность обучения по программам дополнительного профессионального образования: факты и потребности // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Том 22, № 1. С.38-50. DOI 10.15826/umpra.2018.01.004.

Чикилева Е.Н. Развитие дополнительного профессионального образования в регионе: социально-институциональные аспекты: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Пенза, 2018. 28 с.

Шеховцов В.В., Гоник И.Л. Проблемы и тенденции развития дополнительного профессионального образования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». 2017. Т. 9. № 3. С.102-108. DOI: 10.14529/ped170311.

Яшин С.Н., Иванова О.Е. Влияние дополнительного профессионального образования на рынок труда в условиях цифровизации экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 7-1. С. 160-165.

Adult learning initiatives. URL: <https://education.ec.europa.eu/education-levels/adult-learning/adult-learning-initiatives> (дата обращения: 20.06.2023).

Bakirlioğlu Y., McMahon M. Co-learning for sustainable design: the case of a circular design collaborative project in Ireland // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 279. P. 123474. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.123474>.

Cedefop (2023). Microcredentials for labour market education and training: microcredentials and evolving qualifications systems. Luxembourg: Publications Office. Cedefop research paper, No 89. <http://data.europa.eu/doi/10.2801/566352> (дата обращения: 20.06.2023).

Joint ETUC – ETUCE Position on Micro-credentials in VET and tertiary education (2020). URL: https://www.csee-etu.org/images/attachments/2020_06_Joint_ETUC-ETUCE_position_on_MICRO-CREDENTIALS_FINAL.pdf (дата обращения: 20.06.2023).

Kraay A.C. (2018). Methodology for a World Bank Human Capital Index. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30466/WPS8593.pdf> (дата обращения: 20.06.2023).

Labour code; Unemployment insurance agreement of 14 April 2017; General regulation annexed to Unemployment insurance agreement of 14 April 2017. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/emcc/erm/legislation/france-redundant-employees-entitlement-to-public-support> (дата обращения: 20.06.2023).

Lifelong Learning in the Global Knowledge Economy Challenger for Developing Countries. A World Bank Report. He World Bank Washington. DC, 2003. 64 p.

Midsundstad T., Nielsen R.A. Lifelong learning and the continued participation of older Norwegian adults in employment. European Journal of Education, 2019, vol. 54, iss. 1, pp. 48-59.

Microcredentials for labour market education and training. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022. URL: <https://www.cedefop.europa.eu/en/projects/microcredentials-labour-market-education-and-training> (дата обращения: 20.06.2023).

OECD. 2015. Organisation for Economic Co-Operation and Development. The Future of Productivity. Paris: OECD Publishing.

Proposal for a Decision of the European Parliament and Council on a European Year of Skills (2023). URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=en&catId=89&furtherNews=yes&newsId=10431#navItem-6> (дата обращения: 20.06.2023).

Realizing Human Potential in the Fourth Industrial Revolution An Agenda for Leaders to Shape the Future of Education, Gender and Work. January 2017. 36 p.

Ruhose J., Thomsen S., Weilage I. 2019. The Benefits of Adult Learning: Work-Related Training, Social Capital, and Earnings. Economics of Education Review. 72: 166-86.

The New European Agenda for Adult Learning 2021-2030. Council Conclusions on the follow up of the report on concrete future objectives of education

and training systems (2021). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021G1214%2801%29> (дата обращения: 20.06.2023).

Tzatsis P., Anagnostou E., Valkanos E., Fragkoulis I. (2019). The Profile of the Inmates' Adult Educator: A Greek Case Study. Hellenic Open University, University of Macedonia, Greece. URL: <https://www.asianinstituteofresearch.org/post/the-profile-of-the-inmates-adult-educator-a-greek-case-study> (дата обращения: 20.06.2023)

Towards a common definition of micro-credentials (2022). URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381668> (дата обращения: 20.06.2023).

UNESCO Institute for Lifelong Learning. Global Report on Adult Learning and Education. 2029. URL: <https://uil.unesco.org/adult-education> (дата обращения: 20.06.2023).

References

1. Avraamova E.M., Karavaj A.V., Klyachko T.L., Loginov D.M. Monitoring dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya v Rossii. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANXiGS, 2016. 96 s. (InRussian)

2. Burak I.D. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie kak faktor razvitiya trudovoj kar'ery: Avtoref. kand. e`k. nauk po specz. 08.00.05 – E`konomika i upravlenie narodny`m xozyajstvom (e`konomika truda). M, MGU, 2018. 38 s. (InRussian)

3. Burak I.D., Razumova T.O. Vliyanie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya na trudovuyu kar'eru rabotnika // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Voronezh State University]. 2018. № 1. S. 114–122. (InRussian)

4. Vek zhivi — vek uchis`: nepreryvnoe obrazovanie v Rossii / I.A. Korshunov, O.S. Gaponova, V.M. Peshkova; pod red. I.D. Frumina, I.A. Korshunova; Nacz. issled. un-t «Vysshaya shkola e`konomiki», In-t obrazovaniya. M.: Izd. dom Vysshaj shkoly` e`konomiki, 2019. 310 s. DOI: 10.17323/978-5-7598-1779-6. (InRussian)

5. Voronin A.V. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie kak sposob uluchshit` e`konomicheskuyu situaciyu regionov // Perspektivy` nauki [Perspectives of Science]. 2021. №7 (142). S.168-172. (InRussian)

6. Voronin V.N. Rol` dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya v sisteme nepreryv'nogo obrazovaniya // Standarty` i kachestvo [Standards and Quality]. 2021. № 9. S. 63–69. (InRussian)

7. Dezhina I.G., Klyucharev G.A. 2018. Rossijskoe obrazovanie dlya innovacionnoj e`konomiki: «bolevye tochki» // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. № 9. С. 40–48. DOI: 10.31857/S013216250001957-5. (InRussian)

8. Karmaeva N.N., Zaxarov A.B. Nee`konomicheskie e`fekty` dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya dlya rossijskix rabotnikov // E`konomicheskaya sociologiya [Economic sociology]. T. 22. № 2. Mart 2021 S.81-108 S.94-95. (InRussian)

9. Korshunov I.A., Gaponova O.S., Gaponova N.S. Obuchenie i obrazovanie vzrosly`x v kontekste e`konomicheskogo razvitiya regionov // E`konomika regiona [Economy of Regions]. 2019. T. 15, vy`p. 1. S. 107-120. DOI 10.17059/2019-1-9. (InRussian)

10. Korshunov I.A., Kuzheleva K.S., Grachev B.A., Sergeev K.A. Obuchenie i obrazovanie vzrosly`x: vostrebovanny`e programmy`, vozrastnaya i otraslevaya struktury`. Fakty` obrazovaniya № 1 (16). M.: Izd. dom VShE`, 2018. 32 s. (InRussian)

11. Korshunov I.A., Shirikova N.N., Szhonov E.S., Efremov I.A., Chaxoyan G.A. Upravlencheskie praktiki i rezul'tativnost` vuzov v realizacii nepreryv'nogo obrazovaniya // Vysshее образование v Rossii [Higher education in Russia]. 2023. T. 32. № 1. S. 9–34. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-32-1-9-34. (InRussian)

12. Korshunov I.A., Shirikova N.N. Programmy` obucheniya vzroslogo naseleniya v usloviyax social'nogo distancirovaniya: analiz danny`x platform-integratorov / «Monitoring e`konomiki obrazovaniya». Vy`pusk № 25. Nacional'ny`j issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola e`konomiki», 2020. 10 s. (InRussian)

13. Nepreryvnoe obrazovanie rabotnikov v Rossijskoj Federacii i regionax / Nacional'ny`j issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola e`konomiki», Institut obrazovaniya. (Fakty` obrazovaniya № 7 (32)). M.: NIU VShE`, 2020. 36 s. (InRussian)

14. Notova S.V., Podosenova I.A. Sistema DPO kak osnova nepreryv'nogo professional'nogo obrazovaniya // Vysshее образование v Rossii [Higher education in Russia]. 2021. T. 30. № 8-9. S. 134-143. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-134-143. (InRussian)

15. Obuchenie uchastnikov federal'nogo proekta «Sodejstvie zanyatosti» povys`haet ix zarabotnuyu platu // Monitoring e`konomiki obrazovaniya. Informacionno-analiticheskie materialy` po rezul'tatam statisticheskix i sociologicheskix obsledovanij. Vy`pusk № 2, 2022. NIU «Vysshaya shkola e`konomiki», 2022. 10 s. (InRussian)

16. Perepodgotovka kak otvet na vy`zovy` novogo mira raboty`. Analiticheskij otchet. – M.: ANO DPO «Korporativny`j universitet Sberbanka», 2021. 78 s. (InRussian)

17. Ravochkin N.N. Perspektivy` dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya v rossijskix vuzax // Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire [Vocational education in the modern world]. 2017. T. 7, № 4. S. 1410–1417. DOI: 10.15372/PEMW20170410. (InRussian)

18. Razumova T.O., Burak I.D. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie kak faktor razvitiya chelovecheskogo kapitala: voprosy` teorii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. E`konomika [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6, Ekonomika]. 2019. № 5. S. 3–14. (InRussian)

19. Travkin P.V. Ocenka otdachi ot dopolnitel'nogo professional'nogo obucheniya rossijskix rabotnikov: podxod s uchetom vliyaniya sposobnostej na zarabotnuyu platu: preprint WP15/2013/02 /Nacz. issled. un-t «Vysshaya shkola

- e`konomiki». M.: Izd. dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2013. 64 s. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=2314> (data obrashheniya: 20.06.2023). (InRussian)
20. Fedotov A.V., Belyakov S.A., Klyachko T.L., Polushkina E.A. Periodichnost` obucheniya po programmam dopolnitel`nogo professional`nogo obrazovaniya: fakty` i potrebnosti // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis]. 2018. Tom 22, № 1. S.38-50. DOI 10.15826/umpa.2018.01.004. (InRussian)
21. Chikileva E.N. Razvitie dopolnitel`nogo professional`nogo obrazovaniya v regione: social`no-institucional`ny`e aspekty`: Avtoref. kand. sociol. nauk po specz. 22.00.04 - Social`naya struktura, social`ny`e instituty` i processy`. Penza, 2018. 28 s. (InRussian)
22. Shexovczov V.V., Gonik I.L. Problemy` i tendencii razvitiya dopolnitel`nogo professional`nogo obrazovaniya // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki» [Bulletin of the South Ural State University. Series "Education. Pedagogical Sciences"]. 2017. T. 9. № 3. S.102-108. DOI: 10.14529/ped170311. (InRussian)
23. Yashin S.N., Ivanova O.E. Vliyanie dopolnitel`nogo professional`nogo obrazovaniya na ry`nok truda v usloviyax cifrovizacii e`konomiki // Vestnik Altajskoj akademii e`konomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. 2022. № 7-1. S. 160-165. (InRussian)
24. Adult learning initiatives. URL: <https://education.ec.europa.eu/education-levels/adult-learning/adult-learning-initiatives> (data obrashheniya: 20.06.2023).
25. Bakirlioğlu Y., McMahon M. Co-learning for sustainable design: the case of a circular design collaborative project in Ireland // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 279. P. 123474. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.123474>.
26. Cedefop (2023). Microcredentials for labour market education and training: microcredentials and evolving qualifications systems. Luxembourg: Publications Office. Cedefop research paper, No 89. <http://data.europa.eu/doi/10.2801/566352> (data obrashheniya: 20.06.2023).
27. Joint ETUC – ETUCE Position on Micro-credentials in VET and tertiary education (2020). URL: https://www.csee-etu.org/images/attachments/2020_06_Joint_ETUC-ETUCE_position_on_MICRO-CREDENTIALS_FINAL.pdf (data obrashheniya: 20.06.2023).
28. Kraay A.C. (2018). Methodology for a World Bank Human Capital Index. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30466/WPS8593.pdf> (data obrashheniya: 20.06.2023).
29. Labour code; Unemployment insurance agreement of 14 April 2017; General regulation annexed to Unemployment insurance agreement of 14 April 2017. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/emcc/ern/legislation/france-redundant-employees-entitlement-to-public-support> (data obrashheniya: 20.06.2023).
30. Lifelong Learning in the Global Knowledge Economy Challenger for Developing Countries. A World Bank Report. He World Bank Washington. DC, 2003. 64 p.
31. Midtsundstad T., Nielsen R.A. Lifelong learning and the continued participation of older Norwegian adults in employment. European Journal of Education, 2019, vol. 54, iss. 1, rr. 48–59.
32. Microcredentials for labour market education and training. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022. URL: <https://www.cedefop.europa.eu/en/projects/microcredentials-labour-market-education-and-training> (data obrashheniya: 20.06.2023).
33. OECD. 2015. Organisation for Economic Co-Operation and Development. The Future of Productivity. Paris: OECD Publishing.
34. Proposal for a Decision of the European Parliament and Council on a European Year of Skills (2023). URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=en&catId=89&furtherNews=yes&newsId=10431#navItem-6> (data obrashheniya: 20.06.2023).
35. Realizing Human Potential in the Fourth Industrial Revolution An Agenda for Leaders to Shape the Future of Education, Gender and Work. January 2017.
36. Ruhose J., Thomsen S., Weilage I. 2019. The Benefits of Adult Learning: Work-Related Training, Social Capital, and Earnings. Economics of Education Review. 72: 166-86.
37. The New European Agenda for Adult Learning 2021-2030. Council Conclusions on the follow up of the report on concrete future objectives of education and training systems (2021). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021G1214%2801%29> (data obrashheniya: 20.06.2023).
38. Tzatsis P., Anagnou E., Valkanos E., Fragkoulis I. (2019). The Profile of the Inmates' Adult Educator: A Greek Case Study. Hellenic Open University, University of Macedonia, Greece. URL: <https://www.asianinstituteofresearch.org/post/the-profile-of-the-inmates-adult-educator-a-greek-case-study> (data obrashheniya: 20.06.2023)
39. Towards a common definition of micro-credentials (2022). URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381668> (data obrashheniya: 20.06.2023).
40. UNESCO Institute for Lifelong Learning. Global Report on Adult Learning and Education. 2029. URL: <https://uil.unesco.org/adult-education> (data obrashheniya: 20.06.2023).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Koptleuova D. A.

11th grade student

Nazarbayev Intellectual School of Physics and Mathematics in Aktobe

THE EFFECTS OF VERBAL SCHOOL BULLYING ON THE ACADEMIC PERFORMANCE OF TEENAGE VICTIMS IN KAZAKHSTAN: THE NECESSARY SUPPORT FOR VICTIMS

Summary: This study investigates the effects of verbal bullying on victims' academic achievement in Kazakhstan as well as the inaction of teachers. The research project explains the factors that contribute to bullying in schools, such as poor upbringing and challenging family circumstances. The study makes the case that verbal bullying at school is a real problem that equally affects boys and girls, and that it is important to comprehend how it affects the academic performance of victims. Face-to-face interviews with two victim adolescents, two instructors who have observed verbal school bullying, and one school psychologist who strives to prevent it were conducted as part of the qualitative research methodology employed for this study. The results of the study show that verbal bullying at school has an adverse effect on the victims' mental health and academic achievement. According to the findings, teachers frequently treat the victims unfairly and give them low ratings, which has an additional negative impact on their academic performance.

Аннотация: В данном исследовании изучается влияние словесного буллинга на успеваемость жертв в Казахстане, а также бездействие учителей. В начале исследования отмечается, насколько распространена словесная травля в классах и насколько она вредна для психического здоровья и успеваемости детей. В исследовании объясняются факторы, способствующие издевательствам в школах, такие как плохое воспитание и сложные семейные обстоятельства. Исследование доказывает, что словесный буллинг в школе - это реальная проблема, которая в равной степени затрагивает мальчиков и девочек, и что важно понять, как он влияет на успеваемость жертв. В рамках методики качественного исследования были проведены личные интервью с двумя подростками-жертвами, двумя преподавателями, которые наблюдали вербальный буллинг в школе, и одним школьным психологом, который стремится его предотвратить. Результаты исследования показывают, что словесный буллинг в школе оказывает негативное влияние на психическое здоровье и академическую успеваемость жертв. Согласно исследованию, учителя часто относятся к жертвам несправедливо и ставят им низкие оценки, что оказывает дополнительное негативное влияние на их успеваемость. В конце исследования приводятся аргументы в пользу необходимости решения этой проблемы, чтобы избежать вербального школьного буллинга и обеспечить поддержку его жертвам.

Keywords: verbal bullying, school bullying, academic performance, teenagers, mental health.

Ключевые слова: словесный буллинг, школьный буллинг, академическая успеваемость, подростки, психическое здоровье

INTRODUCTION & AIMS

Verbal bullying is the most prominent form of violence in schools, affecting both boys and girls equally [6]. It encompasses behaviors such as spreading rumors, using foul language, and targeting individuals based on ethnicity, gender, sexual orientation, or religion. Approximately 13% of students who reported being bullied experienced mockery, insults, or rumors directed at them [13].

Bullying in schools is influenced by various factors, categorized as environmental and psychological reasons according to Tambawal and Rukayya [18]. Poor or incorrect upbringing often contributes to bullying, where extreme disciplinary approaches, such as excessive corporal punishment or leniency, hinder the child's ability to internalize appropriate behavior. Consequently, these children struggle to distinguish between right and wrong actions. Some children engage in bullying behavior to fit in or as a response to challenging circumstances at home, seeking to alleviate their own insecurities by inflicting suffering on others.

In Kazakhstan, a brochure distributed by the United Nations Population Fund [20] revealed that 63% of children have experienced violence and discrimination, with 44% being victims and 24% perpetrating such behavior against their peers in school. Verbal bullying negatively impacts Kazakhstani victim-students, leading to reduced self-esteem, disconnection from peers, teachers, and school, and decreased motivation for academic success, as highlighted by the study conducted by Skues et al. [17].

This issue is of great relevance to society as it aligns with several sustainable development goals. For instance, Sustainable Development Goal (SDG) 3 aims to ensure healthy lives and promote well-being for all, and verbal school bullying directly affects the health of victims. Similarly, SDG 16 focuses on promoting peaceful and inclusive societies and providing access to justice, which relates to addressing this issue and developing effective and inclusive institutions. Notably, in Kazakhstan, one in five teenagers aged 11 to 13 and one in ten adolescents aged 15 have experienced bullying in schools [20], underscoring the significance of this problem for Kazakhstani society.

By studying this topic, the researcher intends to raise awareness among students, parents, and teachers. It is crucial for schools, organizations, and communities to disseminate information on bullying prevention widely. The researcher has personally witnessed school bullying, observing how children with lower self-confidence become victims, which evoked a sense of responsibility and a desire to make a difference. Establishing a safe environment in schools is essential, emphasizing that no one deserves to be bullied and that all students deserve to feel secure and supported. The aim is to inspire acts of kindness, acceptance, and inclusion. The researcher's interest in psychology, particularly developmental and counseling psychology, makes studying the mental consequences of school bullying on victims and its impact on their academic performance highly relevant and valuable for future studies.

The research project aims to examine the impact of school bullying on the academic performance of teenage victims in Kazakhstan and identify ways to assist them. The following questions will guide the study:

1. How does verbal bullying among teenagers in Kazakhstan affect the academic performance of victim-students?
2. What support can teachers and psychologists provide to victims of verbal school bullying in Kazakhstan?
3. What support can peers offer to victims of verbal school bullying in Kazakhstan?

By addressing these questions, the research will investigate the impact of school bullying and the lack of teacher intervention on victims' academic performance in Kazakhstan. It will also identify ways to support the victims and propose preventive measures against school bullying.

LITERATURE REVIEW & METHODS

Verbal bullying, affecting both boys and girls equally, is the most prevalent form of violence in schools [6]. It encompasses actions such as spreading rumors, using offensive language, and targeting individuals based on their ethnicity, gender, sexual orientation, or religion. Among bullied students, 13% reported experiencing mockery, insults, or rumors [13]. The negative consequences of peer bullying include low self-esteem, depression, anxiety, and even suicidal thoughts [4].

In Kazakhstan, a brochure by the United Nations Population Fund highlights the prevalence of violence and discrimination among children, with 63% witnessing such acts, 44% being victims, and 24% perpetrating violence and discrimination in schools [20]. Verbal bullying, including insults, threats, and disrespectful comments, is the most common form in Kazakhstan [8]. A survey conducted by the National Centre of Public Health Care of Kazakhstan revealed that one in five teenagers aged 11 and 13, and one in ten teenagers aged 15, experienced school bullying [12].

The impact of bullying on victims' academic performance is significant. Insulted children feel

confused and vulnerable, leading to difficulties in focusing on their studies and a reluctance to attend school [8]. Research indicates that both bullying victimization and a hostile bullying climate have a negative relationship with students' achievement in science, math, and reading [10]. Students who experience bullying may face isolation and loss, diminishing their satisfaction with school life [1]. Bullying has a statistically significant impact on academic achievement, with a sense of belonging at school being beneficial for students' learning attitudes [21].

Psychologically, the reasons for engaging in bullying vary among teenagers. Aggression within the home environment, including between siblings or aggressive parental behavior, can contribute to bullying behavior [3]. Internalizing symptoms such as depression, anxiety, fear, and withdrawal, as well as externalizing symptoms such as anger, aggression, and conduct problems, can influence bullying tendencies [16]. Longitudinal studies have shown the adverse effects of victimization on psychological and academic outcomes, including anxiety, sadness, self-esteem, attitude toward school, GPA, and attendance [15].

To cope with bullying, students employ various coping strategies, including emotion-oriented strategies aimed at regulating emotions and problem-oriented strategies aimed at minimizing or eliminating the stressor. Seeking assistance, using physical or verbal force, defending oneself, and acting responsibly as bystanders are examples of coping mechanisms [7]. Peer support plays a crucial role in helping victims of verbal bullying, promoting friendship, safety, belonging, protection, and a sense of responsibility [7]. Schools can contribute to addressing bullying by encouraging teachers to establish anti-bullying rules and engaging students in role-playing exercises and related activities [14]. Increasing adult supervision during critical times, such as breaks or lunch, is another effective strategy [14].

In summary, verbal bullying has a significant impact on students' academic performance and overall well-being. It is essential to address this issue by promoting awareness, implementing preventive measures, and providing support to both victims and bystanders.

In this study conducted in Kazakhstan, the impact of verbal school bullying on victims' academic performance was examined through qualitative research methods, including interviews with students, teachers, and a school psychologist [5]. Semi-structured face-to-face interviews were conducted to gather qualitative data, ensuring confidentiality and creating a comfortable atmosphere for participants [2]. Purposive sampling was used to select participants who could provide valuable insights into the phenomenon of verbal school bullying [5].

The interviews focused on various aspects, including the prevalence of verbal school bullying among teenagers in Kazakhstan, its impact on victims' academic performance and mental health, and the necessary support from classmates and teachers [11].

Despite difficulties in obtaining participants' willingness to openly share their experiences, informed consent forms were used to assure participants about the confidentiality and use of audio recordings solely for the class assignment [11].

Challenges arose due to participants' availability, resulting in interviews conducted via Instagram and voicemails [11]. The researcher also faced limitations in finding relevant information online, particularly regarding the impact of school bullying on academic performance among Kazakhstani students. Reliable sources such as the American Psychological Association's official website and Google Scholar were utilized to gather accurate data [9].

The primary research data from interviews provided crucial information on the effects of verbal school bullying and the lack of teacher intervention on academic success in Kazakhstan [5]. Secondary sources, including scientific articles and previous research, complemented the findings [5].

The qualitative research conducted in Kazakhstan shed light on the impact of verbal school bullying on victims' academic performance. The interviews with students, teachers, and a school psychologist provided valuable insights and recommendations for preventing bullying and supporting affected individuals. The study faced challenges in participant availability and information gathering, but reliable sources were utilized to ensure the validity of the findings.

RESULTS

The researcher conducted five interviews with two victim-students, two teachers, and one psychologist on the topic of the impact of verbal school bullying among teenagers on victims' academic performance in Kazakhstan. All the interviewees agreed that verbal bullying is a very serious problem. For example, as victim-student 1 says, "As a rule, I believe that at least one-tenth of all students are victims of bullying". Moreover, victim-student 2's opinion is similar, as they say, "There is a lot of malice in today's children". These results correspond to Galeyeva's [8] finding that in Kazakhstan, verbal bullying – insults, threats, and disrespectful comments – is the most common type of bullying.

From the primary research, it was found that verbal bullying has negative effects on the mental health and academic performance of the victims since they often receive unfair treatment and bad grades from teachers. For example, as victim-student 1 says, "If it wasn't for the contemptuous attitude of my classmates towards me, I would not have had bad grades, which in other circumstances could easily have been A's". Furthermore, as victim-student 2 says, "All my thoughts during school time were mostly fixated on bullying, which hindered my growth and academic success". Teachers also agree with this, as their opinions sound like this: "We do a lot of group work and pair work at the school and students may not work with others, they may not cooperate. Their grades can go down if they don't feel comfortable with other people they have to work with" and "When a person is in a state of discomfort when they are oppressed and

insulted, they hardly think much about how successful they are in school, they care very little about that. Because a teenager in these circumstances also needs to survive".

This finding supports the results of Huang's [10] study which has shown that both bullying victimization and bullying climate had significant and negative relationships with students in science, math, and reading achievement. In addition, Adams, and Hannum's research reinforces the findings of the researcher since they found that bullied students experience increased isolation and loss, which lowers their satisfaction with school life [1].

It was found from primary research that teachers have a crucial role in preventing and addressing bullying, and they should take an active role in interrupting the bullying process and trying to bring the participants to a compromise. As how psychologist says, "When the teacher is not involved in the bullying process, the victim may feel lonely, the child may have a feeling of hopelessness", non-interference from teachers can have a severe impact on the victim's mental state, leading to insecurity and affecting academic performance. Interestingly, victim-student 1 mentioned, that: "Usually, the objects of bullying are appointed by the teachers themselves, and not by children or teenagers. In bullying, I think it is the teachers who are most to blame, because, as it seems to me, they support bullying the most".

Teachers should support the victim by showing them that they are protected and explaining what steps will be taken. As victim-student 2 thinks, "I would like to receive such support from teachers, when they just pat on the head and say: "Everything will be fine in the future, don't worry, let's talk to you about this topic, let's discuss this problem with your classmates," so that they hold a certain session with my classmates, and they understand that it is at least disrespectful to bully others". They should also set clear rules for respect and provide support to victims, such as anonymity and access to psychological services. For example, as teacher 1 thinks, "Every teacher needs to know the school's algorithm and school's policies and procedures. A teacher is irresponsible if they don't know who the student's curator is, or we have psychologists if they don't know that we have other people who can help students. A teacher's answer can never be: "I don't know what to do" because there are documents that tell the teacher what to do". Teachers recommend that schools have policies and consequences for bullies, involve parents in discussions, and address cyberbullying. As teacher 1 mentioned, "If someone is a bully, the school has to have consequences that go up to being removed from school. There has to be some type of cooperation at home, you [a teacher] have to have some connections with parents, or relatives to discuss. We shouldn't let teenagers bully other teenagers online". Moreover, they need to carry out activities aimed at strengthening student relationships in the classroom and contact the curator in case of bullying. The Perkins study also confirms the above conclusions [14], as it found that

teachers should work with students at the lesson level to create rules prohibiting bullying and involving students in organizing formal role-playing games and related tasks and/or exercises, as they appear to be related with the strategies of interaction chosen by bullies or performing pleasant training exercises to reduce social division.

The researcher's primary research has shown that to prevent and interrupt verbal school bullying, retaliatory pressure on aggressors and a shift in cultural attitudes towards bullying are necessary. For instance, as victim-student 1 thinks, "Verbal bullying in schools can only be prevented by retaliatory pressure on aggressors. We need to show these teenagers what it's like to be in the shoes of a victim. This needs to be done on an adequate scale so that these jokes do not switch to reverse bullying". The research findings suggest that a lack of emotional support and understanding from both teachers and peers can have a significant impact on the well-being and academic success of students who experience verbal school bullying. As teacher 2 says, "All problems are truly solved when they are solved together; adults, teenagers, victims, aggressors — they should work altogether". In this case, psychologists should conduct preventive work against bullying with students, defining the roles of bullying and its consequences, and what kind of help a victim of bullying can get from psychologists.

It was also found from primary research that non-bully classmates have a responsibility to take the correct and honest decision of stopping the bullying rather than ignoring it. As a psychologist says, "Classmates need to psychologically help the victim. That is, to express sympathy and support". Moreover, as victim-student 1 mentions "I would like to get just protection from them". This finding supports the inference of Evans et. al.'s [7] study which revealed that the support of peers is vital for victims of verbal bullying, since it promotes a sense of friendship, safety, belonging, and protection, while also building a sense of responsibility, satisfaction, and pride. It was also discovered that students of the class must learn to take care of each other and show their feelings, and the curator should hold events that will strengthen the relationship between the students of the class. For example, as a psychologist says, "On the part of the curator, it is necessary to hold events that will strengthen the relationship between the students of this class. Go somewhere with the class, spend time together outside of school, and play games".

CONCLUSION

In terms of the impact of verbal school bullying among teenagers on the academic performance of victim students in Kazakhstan, this study suggests that teenage verbal school bullying significantly lowers the academic achievement of victim students in Kazakhstan. Teachers frequently treat victims unfairly and give them a low rating, which hinders their academic achievement. When a student is being bullied, learners may find it difficult to cooperate and work well in groups. Furthermore, a decline in well-being and academic achievement might result from a

lack of emotional support and understanding from both teachers and peers. Bullying victimization and atmosphere have a large and unfavorable impact on students' performance in science, math, and reading. Bullying can also worsen feelings of loss and loneliness, which lowers pupils' contentment with school.

In terms of support that can be offered by teachers and psychologists to the victims of verbal school bullying in Kazakhstan, this study suggests that teachers and psychologists can offer various kinds of support to victim students. Firstly, teachers should take an active role in interrupting the bullying process and trying to bring the participants to a compromise. They should also set clear rules for respect and provide support to victims, such as anonymity and access to psychological services. Teachers recommend that schools have policies and consequences for bullies, involve parents in discussions, and address cyber bullying. Moreover, educators need to carry out activities aimed at strengthening student relationships in the classroom and contact the tutor in case of bullying. Psychologists should conduct preventive work against bullying with students, defining the roles of bullying and its consequences and offering help to victims.

In terms of support that can be offered by peers to the victims of verbal school bullying in Kazakhstan, this study suggests that peers can offer emotional support to victims by expressing sympathy and support. Non-bully classmates should take the responsibility of stopping the bullying and not ignore it. Support from peers promotes a sense of friendship, safety, belonging, and protection, while also building a sense of responsibility, satisfaction, and pride. Students in the class need to learn how to look out for one another and express their emotions, and the tutor should host activities that will improve the relationships among the students. Tutors can organize activities that will allow the class to socialize and play games together outside of the classroom, which can improve the mood of the group.

To conclude, the academic performance of victims of verbal bullying at school is significantly impacted in Kazakhstan, and the issue is made worse by teachers' lack of intervention. To solve the issue, victims need active teacher intervention, unambiguous respect guidelines, access to psychological therapies, parental involvement, and peer support. It is important to note that the findings of this research cannot be generalized due to the small sample size of only 5 people being interviewed. To improve the research, it would be beneficial to conduct a larger-scale study involving a larger sample size of students, teachers, psychologists, and other stakeholders. This would provide a more comprehensive understanding of the impact of verbal school bullying on academic performance in Kazakhstan and the effectiveness of interventions. Additionally, using mixed methods, such as surveys and observations, could provide a more in-depth and holistic perspective on the issue. Moreover, including diverse perspectives, such as those of parents, school

administrators, and policymakers, would provide a more comprehensive picture of the situation and potential solutions.

References:

- Adams, J., & Hannum, E. (2018). School Violence in China: A Multilevel Analysis of Student Victimization in Rural Middle Schools. *Research in the Sociology of Education*, 41–69. <https://doi.org/10.1108/s1479-35392018000020003>
- Adeoye-Olatunde, O. A., & Olenik, N. L. (2021). Research and scholarly methods: Semi-structured interviews. *JACCP: Journal of the American College of Clinical Pharmacy*, 4(10), 1358–1367. <https://doi.org/10.1002/jac5.1441>
- American Psychological Association. (2014, September 29). Psychologist offers insight on bullying and how to prevent it [Press release]. <https://www.apa.org/news/press/releases/2014/09/prev-ent-bullying>
- BetterHelp Editorial Team. (2023, January 23). What Is Verbal Bullying And How Does It Happen? | BetterHelp. <https://www.betterhelp.com/advice/bullying/what-is-verbal-bullying-and-how-does-it-happen/>
- Creswell, J. W. (2014). *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*. SAGE. https://www.ucg.ac.me/skladiste/blog_609332/objava_105202/fajlovi/Creswell.pdf
- Erika, K. A., Pertiwi, D. A., & Seniwati, T. (2017). Bullying Behaviour of Adolescents Based on Gender, Gang and Family. *Jurnal Ners*, 12(1), 126–132. <https://doi.org/10.20473/jn.v12i1.4396>
- Evans, C. B. R., Cotter, K. L., & Smokowski, P. R. (2017). Giving Victims of Bullying a Voice: A Qualitative Study of Post Bullying Reactions and Coping Strategies. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 34(6), 543–555. <https://doi.org/10.1007/s10560-017-0492-6>
- Galeyeva, N. (2021, September 10). Bulling v Kazakhstane: kazhdyy pyatyy podrostok stanovitsya zhertvoy [Bullying in Kazakhstan: every fifth teenager becomes a victim]. *Manshuq*. Retrieved January 31, 2023, from <https://manshuq.com/life-bullying-victim-09-2021>
- Gusenbauer, M., & Haddaway, N. R. (2020). Which academic search systems are suitable for or systematic reviews or meta-analyses? Evaluating retrieval qualities of Google Scholar, PubMed, and 26 other resources. *Research Synthesis Methods*, 11(2), 181–217. <https://doi.org/10.1002/jrsm.1378>
- Huang, L. (2022). Exploring the relationship between school bullying and academic performance: The mediating role of students' sense of belonging at school. *Educational Studies*, 48(2), 216–232. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03055698.2020.1749032>
- Jain, N. (2021). Survey Versus Interviews: Comparing Data Collection Tools for Exploratory Research. *The Qualitative Report*. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2021.4492>
- National Centre of Public Health Care of the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan. (2018). *Povedeniye detey shkol'nogo vozrasta v otnoshenii zdorov'ya* [Health behavior in school-age children] [Brochure]. https://hls.kz/wp-content/uploads/2021/02/HBSC-Kazakhstan-summary_rus.pdf
- PACER's National Bullying Prevention Center. (2020, November). *Bullying Statistics | By the numbers*. PACER.org. Retrieved February 2, 2023, from <https://www.pacer.org/bullying/info/stats.asp>
- Perkins, D. F., PhD. (2022, April). *Bullying: What Educators Can Do About It*. Retrieved February 7, 2023, from <https://extension.psu.edu/bullying-what-educators-can-do-about-it>
- Rueger, S. Y., Malecki, C. K., & Demaray, M. K. (2011). Stability of peer victimization in early adolescence: Effects of timing and duration. *Journal of School Psychology*, 49(4), 443–464. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2011.04.005>
- Sigurdson, J. F., Undheim, A. M., Wallander, J. L., Lydersen, S., & Sund, A. M. (2015). The long-term effects of being bullied or a bully in adolescence on externalizing and internalizing mental health problems in adulthood. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 9(1). <https://doi.org/10.1186/s13034-015-0075-2>
- Skues, J. L., Cunningham, E. G., & Pokharel, T. (2005). The Influence of Bullying Behaviours on Sense of School Connectedness, Motivation and Self-Esteem. *Australian Journal of Guidance and Counselling*, 15(1), 17–26. <https://doi.org/10.1375/ajgc.15.1.17>
- Tambawal, M., & Rukayya, M. (2017). BULLYING AND ITS EFFECTS ON ACADEMIC PERFORMANCE OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS IN NIGERIA: IMPLICATIONS FOR COUNSELLING. *International Journal of Advanced Academic Research*, 3(2). <http://oer.udusok.edu.ng:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/396/ijaar-ahe-v3n2-feb17-p5.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- Tzani-Pepelasi, C., Ioannou, M., Synnott, J., & McDonnell, D. (2019). Peer Support at Schools: the Buddy Approach as a Prevention and Intervention Strategy for School Bullying. *International Journal of Bullying Prevention*, 1(2), 111–123. <https://doi.org/10.1007/s42380-019-00011-z>
- United Nations Population Fund. (2020). *Travlya – OTVETY NA VOPROSY OB ETOM kakaya ona byvayet i kak yeye ostanovit'* [Bullying – ANSWERS FOR QUESTIONS ABOUT IT what is it like and how to stop it] [Brochure]. https://kazakhstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/bullying_1.pdf
- Xu, Z., & Fang, C. (2021). The Relationship Between School Bullying and Subjective Well-Being: The Mediating Effect of School Belonging. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.725542>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Adilgereyeva A. M.

1st grade student

Nazarbayev Intellectual School of Physics and Mathematics in Aktobe

Baizhanov Y. A.

Academic supervisor

Nazarbayev Intellectual School of Physics and Mathematics in Aktobe

BEYOND GRADES: EXAMINING THE LINK BETWEEN SOFT SKILLS AND ACADEMIC PERFORMANCE IN NIS AKTOBE STUDENTS

Abstract. This research project aims to investigate the correlation between soft skills such as teamwork and communication proficiency of NIS Aktobe students with their academic performance, to estimate the importance of soft skills in academic success. Soft skills such as communication and teamwork are crucial for personal and professional success. Therefore, early acquisition of soft skills can be advantageous in all fields of life. The study used a mixed method of data collection, including an interview and a survey, to estimate the impact of soft skills on academic performance. Results showed that communication and teamwork skills are generally well-developed among NIS Aktobe students. Effective communication and teamwork skills were found to have a barely perceptible impact on academic performance, though are considered to be an effective way of learning. The research findings might be applicable for further research on the correlation between soft skills and academic performance, as well as for the development of educational programs.

Keywords: soft skills, communication, teamwork, academic performance

Introduction

Nowadays, soft skills are in high demand for any kind of workplace. As they allow people to interact efficiently, share knowledge and experience, and build relationships. It is agreed that hard skills which are described as technical skills and can be improved by training are not sufficient to achieve success. Soft skills such as communication and teamwork are fundamental for middle and high school students to learn and develop since they make them valuable employees in the workplace. The issue is linked to the 17th Sustainable Development Goal — partnership for the goals, which highlights its implication and relevance in building a better and more sustainable future.

The term "soft skills" appears to have its origins in the American military in the middle of the 20th century. Mahmud [9, p. 125] states that all facets of society are affected by the field of communication, making communication studies a significant and needed component. Since "soft skills are learned through personal experience and reflection" [6, p. 35], acquiring them is more difficult than hard skills. Therefore, acquiring soft skills, such as communication, are important for success in various aspects of daily life.

To ensure students' success, efficient communication is necessary whether an educator is instructing a student, a colleague, a parent, or vice versa. "Once communication amongst the teacher and student is effective, both would benefit: the level of the students' enthusiasm would grow and the teacher would be a major influence for the child's learning" [5, p. 1]. Another crucial soft skill to learn is teamwork. In today's globalized world, businesses employ teambuilding approaches to not only improve relationships among colleagues but also to achieve their organizational goals to the fullest extent possible. To

put it simply, companies use teambuilding methods to help their teams work better together and achieve more.

By acknowledging the importance of soft skills, students can fulfill their academic responsibilities, make valuable connections, and establish positive relationships with professors that could influence their future career prospects. "In fact, soft skill intensive occupations are expected to account for two-thirds of all jobs by 2030, and the number of jobs in these occupations is expected to grow at 2.5 times the rate of other jobs" [11, para. 5]. Thus, acquiring and developing communication and teamwork skills help students to become desired employees in the future.

As a student of NIS Aktobe, the researcher is curious about the effects of soft skills development on the learning and assessment process. Moreover, communication in its all forms as well as the ability to work in a team are essential in the modern world. Therefore, the researcher considers that examining the correlation between students' academic achievements and their level of communication and teamwork will be useful for learners as well as for teachers.

The purpose of the research project is to determine the correlation of teamwork and communication proficiency of NIS Aktobe students with their academic performance.

The research attempts to answer the following questions:

How developed are the communication and teamwork skills of NIS Aktobe students?

How do communication and teamwork skills affect NIS Aktobe students' academic performance?

What is the correlation between soft skills and academic performance of the NIS Aktobe students?

Finding answers to the aforementioned questions will help to estimate the importance of soft skills in academic success which is key in making an

appropriate conclusion for the research. The results of the research work might be useful to make the learning process more effective and fill the gap between two basic soft skills and academic performance. The only participants in this study are students of NIS Aktobe.

Literature review

Soft skills are needed for an individual at all stages of life. Soft skills are used while applying for any position since they are essential for success in both personal and professional life. According to Doyle [7, para. 1], soft skills are described as non-technical skills related to your work style, which include your interactions with colleagues, communication abilities, problem-solving techniques as well as time management. While traditional views suggest that professional success hinges on a person's professionalism and job-related skills, modern society demands a competent specialist to possess both hard and soft skills in order to effectively navigate and integrate with their environment.

There are various forms of communication, and various sources give varying figures. According to Mahmud [9, p. 127], verbal, written, non-verbal, and mediated communication are the four varieties of communication. Verbal (oral) and nonverbal communication are the two most crucial elements since they serve as the major branch. Nonverbal communication is described as the process of conveying information without the use of spoken or written words whereas verbal communication is carried out with the presence of spoken words. In order to express a variety of needs and to receive precise information, verbal communication is paramount. Even though it's critical to keep in mind that good verbal communication cannot exist entirely independently of non-verbal communication, this research focuses on verbal communication only.

“The ability to work effectively on a team is highly valued by employers, and collaboration among students can lead to intrinsic motivation, increased persistence, and greater transferability of skills” [10, p. 1]. Therefore, working as a part of a team can be a beneficial and productive method of learning as teamworking requires the combination of team members' efforts to ensure the achievement of the best results for a team.

Moreover, oral communication skills are considered to influence the learning process positively. Likewise, the communication barriers between students and a teacher might be a significant hindrance to the accomplishment of good academic performance. Where there is effective communication between teacher and students about a performance of a task, there is feedback. “Students do not perform well in the final assessment and feel difficulties to solve annual exam papers because no proper formative feedback practices had been followed” [1, p. 6]. For instance, Diloyan [5, p. 3-4], states that classroom interaction between the teacher and learner is depicted by Tony Lynch in “Communication in the Language Classroom” as the cycle of Initiation—Response—Feedback. A polar inquiry with a “yes” or “no”

expected response is posed by the teacher during the Initiation stage. The student presents the predetermined response in the Response phase. When the right response is given, the feedback stage is concluded with the teacher's approval; if not, the teacher merely gives the right answer. Hence, students who do not use their verbal communicational skills might not receive constructive feedback which causes difficulties during the examination followed by the deterioration of academic performance.

However, teacher-learner or learner-learner conversations can lead to positive outcomes only if the communication is effective. Effective communication happens if the satisfaction is experienced by both sender and receiver of the message. According to Coursera [13, para. 4], clear, correct, complete, concise, and compassionate communication is considered to be effective. So, it is hard to measure the efficiency of the conversation.

On the contrary, Pereira (2008) [as cited in 9, p. 127] states, that excessive communication in a study atmosphere might result in conflict, as students are prone to oppose one another rather than seek self-redemption during the buildup of communication fear. Nevertheless, conflicts provide pupils the chance to express their wants and have them satisfied. According to Campbell [2, para. 6], having engaged in conflicts help us to practice and improve our communication skills. As a result, conflicts may ultimately serve as an opportunity for individuals to enhance their communication abilities and learn how to navigate disagreements in a constructively and beneficially.

Soft skill teamwork is an important part of the learning process. It lets students achieve a common goal through collaborating and sharing ideas. According to the results of the research conducted by Sulaiman et. al. [12, p. 2], teamwork skills positively influence the quality of the learning process and improve students' communication skills as well as their confidence. The research consisted of 424 respondents in total with different backgrounds (religions, ethnic groups, and fields of study) that were asked to estimate the impact of teamwork on students. As teamworking require active listening and speaking, it is essential for the enhancement of other soft skills and for the productivity of studying, which in turn affects academic performance.

Furthermore, teamwork learning can improve students' educational outcomes. There are several studies regarding the correlation between pupils' grades and their teamwork skill levels. Lozano-Rodríguez et al. (2020), in Mexican universities, observed a significant correlation between teamwork skills and academic achievement, calculated using the grades obtained at the end of the academic term [as cited in 4, p. 4]. The results of the research indicate that by improving the ability to work as a part of a team students may increase their GPA (Grade Point Average).

Methods

In order to estimate the impact of NIS Aktobe students' soft skills such as communication and

teamwork on their academic performance, the researcher included the mixed method of data collection as a primary source of information. The secondary data analysis was carried out to discover and examine various perspectives on the study's subject. Before being used in the research, the credibility of the secondary sources of information was evaluated.

The mixed method was chosen as the researcher wants to gather a comprehensive picture of the study issue. The quantitative method helps to collect numeric data that will be used to determine a correlation between soft skills and academic performance in NIS Aktobe. According to Creswell [3, p. 120], providing an explanation of how one variable impacts another might be necessary for some quantitative research topics. Moreover, qualitative data analysis was chosen as it is advantageous to gather detailed knowledge about the subject of the study and find underlying factors that affect them. Creswell [3, p. 535] states that the main justification for using a mixed methods approach is that combining both types of data gives a deeper understanding of a study issue than either quantitative or qualitative data alone.

The data collection process involved research instruments that are interview and survey. Students of NIS Aktobe were involved in the research. All participants were provided with informed consent forms before taking part in the study. According to Fleetwood [8, para. 12], sampling is a process of deriving a sample which in turn is defined as a smaller set of data selected from a population. Being a student at NIS Aktobe is a key characteristic of the population. The participants for quantitative research were selected using "convenience sampling" and the sample size was 50 participants.

The interview was carried out based on the "convenience sampling" method as well, due to the time limit of the data collection process. Five people in total participated in the one-on-one interviews, where they were asked to respond to six major, open-ended questions. Participants of the interview were 11-grade students as the researcher found them easier to access and more willing to take part. Using face-to-face interviews as a research instrument was beneficial to the study as it guarantees anonymity and gives a chance for the interviewer to clarify some aspects by asking follow-up questions to the interviewee. Hence, there were more opportunities for an in-depth study of the issue.

Results

Primary research included interview and survey. With respect to the interview, most of the interviewees understand the term "soft skills" as skills needed to communicate with others and some of them associate it with time management and problem-solving. All the participants confirmed that soft skills are important to students but their reasoning was quite different. Regarding the question "Do you consider yourself a good communicator?" three out of five students consider themselves good communicators as they can clearly explain ideas by using spoken communication

skills as well as listening whereas others explained that sometimes they do not carefully listen when someone is speaking to them or sometimes prefer to keep silent.

Participants claim that communicating with peers and teachers can affect their performance, as through communication they can ask questions and explain some concepts to each other which in turn helps them to gain a better understanding of the study material. These findings are consistent with those of Mahmud [9, p. 132], who found that oral communication plays an important role for students to perform well academically. In contrast, Participant 2 states that her ability to communicate with peers and teachers does not affect her performance in any way. Moreover, Participant 1 and Participant 5 mention the importance of communication in building good relationships with teachers and avoiding any kind of conflicts with them. For instance, according to Participant 1, "*If you don't talk politely with the teacher, then you may get bad grades*".

There are various factors that affect students' ability to work in a team. Some interviewees consider themselves good team members due to their leadership skills and focus on achieving the task. Nevertheless, some respondents claim that it depends on factors such as task difficulty, motivation, self-esteem, the number of team members, and the relationship between them. There are contradicting views regarding the effect of the students' ability to work in a team on their academic performance. Those who responded that it has a big influence also noted that active teamwork helps to exchange experience, knowledge as well as different skills. On the contrary, participants who think that it does not affect it has little impact on performance explained it with the practice of self-study: "*...for people who do not study at home, it can affect their academic performance, for people who do study, it does not*" (Participant 2).

The survey was conducted amongst students of NIS Aktobe from 7 to 12-grade students, but only 8, 9, 10, 11, and 12-grade students responded to the survey. Students' opinion about the impact of communication and teamwork skills on their academic performance and their level of effectiveness in the learning process was gathered via the online survey. In addition, students' level of communication and teamwork proficiency was indicated through respondent's extent of agreement with the statements which help to estimate respondent's soft skills. One of the main purposes of the research is to determine the correlation between soft skills such as communication and teamwork with the NIS Aktobe students' academic performance. Therefore, respondents were asked to estimate their GPA and their perceived communication and teamwork proficiency. The collected data from the questionnaire is presented below.

Overall, 34% of students agree and 20% strongly agree that teamwork is effective in the learning process, showing that most students believe that teamwork has a good impact on learning outcomes (See Figure 1).

Do you agree that teamwork is effective in the learning process?

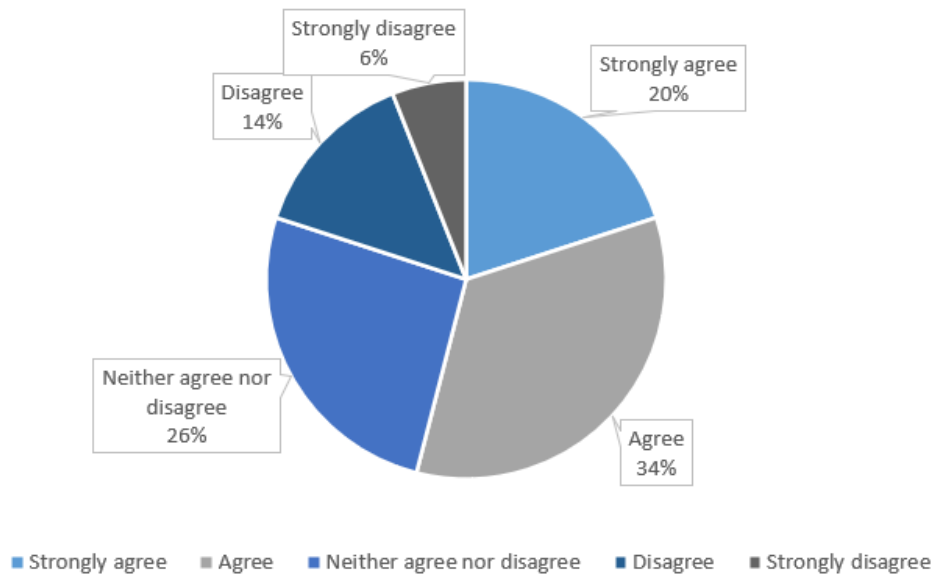


Figure 1. Participants Response Frequencies regarding the Effectiveness of the Teamwork.

The impact of oral communication with peers and teachers on students' academic performance (GPA, grades, summative assessment scores), which was given by the respondents, is 6.56 out of 10 where '0' corresponds to 'no impact' and '10' to 'high impact' (See Figure 2). It can be understood that

communication with peers and teachers has a moderate impact on NIS Aktobe pupils' performance. While it was not considered high or significant, it was still perceived by many respondents as an important factor in academic success.

Evaluate the impact of oral communication with peers and teachers on your academic performance on a scale from 1 (no impact) to 10 (high impact)

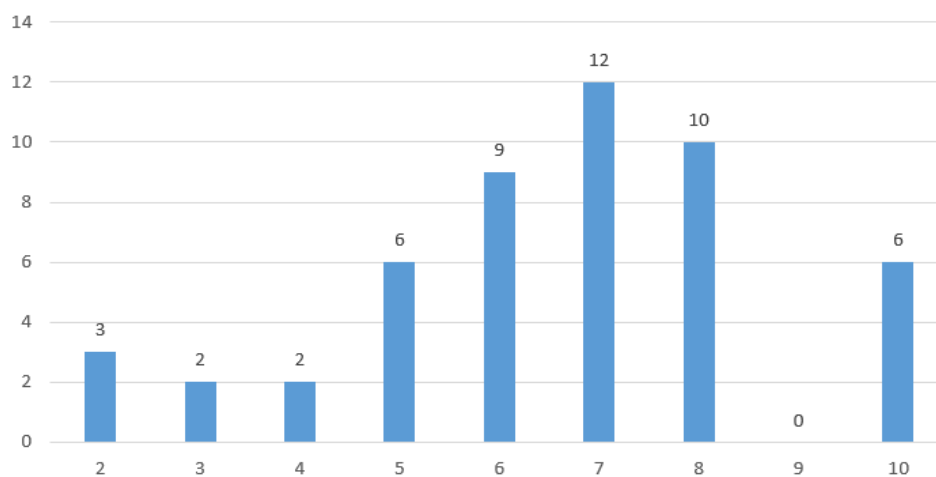


Figure 2. The impact of oral communication on academic performance on a 0-10 scale.

The respondents gave a 5.92 out of 10 rating for the impact of teamwork on students' academic performance (GPA, grades, and summative assessment scores). The rating suggests that teamwork has a moderate impact on students' performance based on the

respondents' perceptions. However, taking into account the interviewees' statements, the impact may vary depending on the nature of the task, the quality of teamwork, and the individual's contribution to the team (Figure 3).

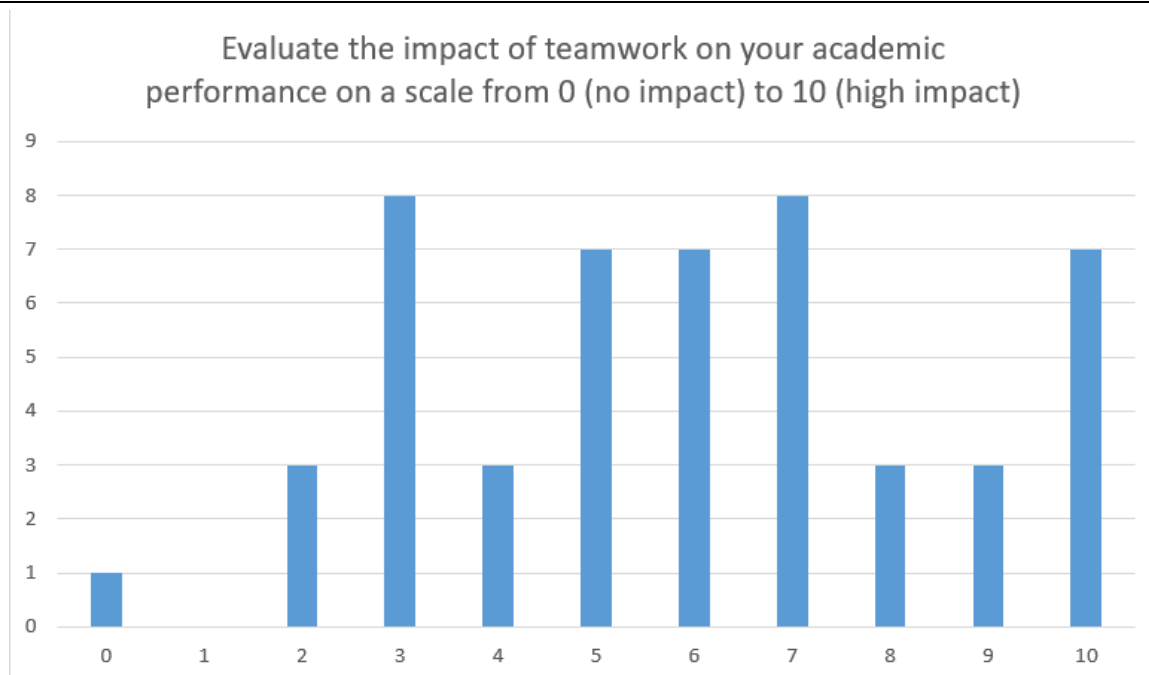


Figure 3. The impact of teamwork on academic performance on a 0-10 scale.

Approximately half of the respondents think that communication is efficient for problem-solving tasks, they can get a better understanding of the material by communicating, and communicating with peers and teachers helps them to get feedback (See Figure 4). Meanwhile, 12 out of 50 students chose the answer “communication distracts me from the learning process

and negatively affects my grades” which is opposite to the most frequent responses. It is important to note that the negative responses may be due to personal preferences or learning styles. While some students benefit from communication, other significant minority finds it distracting.

ESTIMATE THE EFFECT OF COMMUNICATION ON THE LEARNING PROCESS

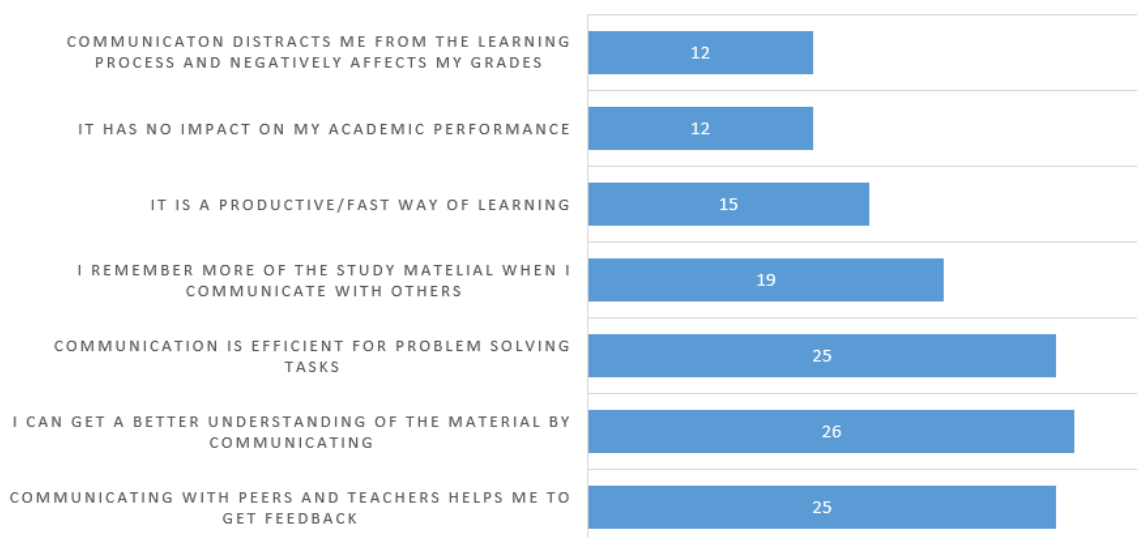


Figure 4. Students' perspectives about effects of communication on the learning process.

The correlation coefficient calculated via Microsoft Excel reveals a negligible correlation with the rate of -0.106 between variables such as communication proficiency and GPA. Therefore, it can be argued that communication proficiency does not have a significant impact on GPA.

The correlation coefficient between teamwork skills and GPA is equal to -0.240 which is considered as a weak negative correlation. This is in contradiction to the results of Lozano-Rodríguez et al. (2020) [as cited in 4, p. 4] who observed a significant correlation between teamwork skills and academic performance.

Conclusion

The data obtained through primary research among NIS Aktobe students allows to answer three questions addressed in the present study and to make a summary of the research.

1. How developed are the communication and teamwork skills of NIS Aktobe students?

Generally, the findings of the survey suggest that students' communication skills are well-developed as well as their teamwork skills. Even though the majority of students consider themselves "good communicators", some pupils face difficulties with clearly explaining ideas using oral communication skills and listening. Moreover, it was found that student's ability to work in a team is affected by various side factors such as task difficulty, motivation, self-esteem, and the relationship between team members.

2. How do communication and teamwork skills affect NIS Aktobe students' academic performance?

It should be noted that there are different forms of communication including verbal (oral), non-verbal, written, and mediated, but this research focuses on oral communication. According to the responses given in the online survey, oral communication skills as well as teamwork skills have a perceptible impact on pupils' performance, but its effect is not considered to be high and significant. Nevertheless, communication considerably impacts the learning process, as it is efficient for problem-solving tasks, helps to get a better understanding of the material and allows to get feedback from peers and teachers. Concerning teamwork, more than half of respondents find it to be an effective way of learning. Various skills, experiences, and knowledge can be exchanged through active teamwork.

3. What is the correlation between soft skills and academic performance of the NIS Aktobe students?

Collected survey responses were processed and the correlation coefficient was calculated via Microsoft Excel. The findings show that there is little negative correlation between teamwork skills and students' academic performance. It revealed that there was no positive notable relationship between academic achievement and communication competence as well.

The results of qualitative and quantitative research are contradicting. Even though teamwork is considered to be effective in the learning process, it has no positive influence on students' grades. Soft skills such as teamwork and communication with peers and teachers have an insignificant impact on NIS Aktobe students' academic performance. A greater examination is necessary to explore the reasons behind this discrepancy and to determine whether certain factors, such as the type of assignment or the size of the group, may affect the relationship between teamwork and academic performance. Additionally, it may be useful to investigate the long-term effects of teamwork skills on students' success beyond their academic

performance in a classroom setting. For further research on a similar topic will be advised to alter sampling methods in order to describe the population more accurately. In addition, the researcher recommends increasing the sample size and controlling the data collection process. Thus, participants of the questionnaire could be encouraged to provide honest and relevant answers which might make results more precise.

References

- Ahmed U., Akhtar R. N., Aslam R. Formative assessment in elementary English classroom: a case study of semi-government organization of Pakistan. *Academic Research International*. 2020. Vol.11. №2. P. 1–9
- Campbell S. The 10 Benefits of Conflict. 2016, July 28. URL:<https://www.entrepreneur.com/living/the-10-benefits-of-conflict/279778>
- Creswell J. W. *Educational Research: Planning, Conducting and Evaluating Quantitative and Qualitative Research* (4th ed.). Pearson. 2014
- De Prada E., Mareque M., Pino-Juste M. Teamwork skills in higher education: is university training contributing to their mastery? *Psicologia: Reflexão E Crítica*. 2022. Vol.35. №1.
- Diloyan A. *The Importance of Communication in the Classroom: The Impact of Effective Communication Skills on Student Enthusiasm* (dissertation). Yerevan, Armenia. 2017.
- Dixon J., Belnap C., Albrecht C., Lee K. The importance of soft skills. *Corporate Finance Review*. 2010. P. 35.
- Doyle A. What are Soft Skills? *The Balance*. 2022, October 9. URL: <https://www.thebalancemoney.com/what-are-soft-skills-2060852>
- Fleetwood D. *Sample: Definition, Types, Formula & Examples*. 2023. URL: <https://www.questionpro.com/blog/sample/>
- Mahmud M. M. Communication aptitude and academic success. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol.134. P. 125–133.
- Rhee J., Parent D., Basu A. The influence of personality and ability on undergraduate teamwork and team performance. *SpringerPlus*. 2013. Vol.2. №1.
- Rumbens D. *Weekly economic briefing: soft skills for business success*. 2017, May 24. URL: <https://www2.deloitte.com/au/en/blog/economics-blog/2019/soft-skills-for-business-success.html>
- Sulaiman M., Mat Z., Husain F. C., Sulaiman A., Latiff L. A., Nizah M. A. M., Mohamad. The Impact of Teamwork Skills on Students in Malaysian Public Universities. *The Social Sciences*. 2017. Vol.12. №9
- Coursera. What is effective communication? skills for work, school, and life. 2022, August 16. URL: <https://www.coursera.org/articles/communication-effectiveness>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Kostin D.M.

*professor, Russian State University named after
Alexey Kosygin (Technology. Design. Art)*

ONLINE MARKETING FRAUD AMONG RUSSIAN BLOGGERS

Костин Денис Максимович

*преподаватель, Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)*

ИНФОЦЫГАНСТВО СРЕДИ РОССИЙСКИХ БЛОГЕРОВ

[DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2023.1.90.363](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2023.1.90.363)

Summary: Online marketing fraud is a common phenomenon among Russian bloggers who promise their followers earnings and success in a short time. However, in most cases, these promises are false, and they mislead people into spending significant amounts on training or buying services that do not produce any results. The article deals with the problem of online marketing fraud among Russian bloggers, describes the typical scheme of actions of such bloggers, and also analyzes the measures that can be taken to protect people from fraudulent activities in this area.

Аннотация: Инфоцыганство - распространенное явление среди российских блогеров, которые обещают своим подписчикам заработок и успех за короткие сроки. Однако, в большинстве случаев, эти обещания являются ложными и вводят людей в заблуждение, заставляя их потратить значительные суммы на обучение или покупку услуг, которые не дают никаких результатов. В статье рассматривается проблема инфоцыганства среди российских блогеров, описывается типичная схема действий таких блогеров, а также анализируются меры, которые можно предпринять для защиты людей от мошеннических действий в этой сфере.

Key words: online marketing fraud, fraudsters, bloggers, Russian bloggers, breaking the law.

Ключевые слова: инфоцыганство, мошенничество, блогеры, русские блогеры, нарушение закона.

Введение: Инфоцыганство - это феномен, при котором люди становятся зависимыми от получения и потребления информации. Эта зависимость может привести к чрезмерному поведению в поиске информации, включая бесконечное просматривание Интернета, постоянное проверка социальных медиа-аккаунтов и потребление большого количества новостей и другой информации. Плюсы инфоцыганства для российских блогеров могут включать следующее: Легкий доступ к информации. Блогеры могут быстро получать и делиться информацией с своими читателями и зрителями. Увеличение популярности блога. Блогеры, которые постоянно публикуют свежую и актуальную информацию, могут получить больше подписчиков и зрителей. Увеличение прибыли. Блогеры могут получать больше дохода от своих каналов благодаря большому количеству подписчиков и зрителей. Однако, инфоцыганство также имеет некоторые минусы и проблемы: Оверлод информации. Блогеры могут стать затерянными в большом количестве информации, что может привести к замедлению процесса производства контента. Ошибка информации. Блогеры, которые поспешно делятся информацией без проверки ее достоверности, могут распространять дезинформацию и фейковые новости. Потеря мотивации. Чрезмерный поиск и потребление информации может привести к утомлению и потере мотивации, что в свою очередь может привести к

снижению качества контента. Таким образом, инфоцыганство среди российских блогеров может иметь как позитивные, так и негативные стороны, и требует баланса между доступностью информации и контролем ее количества и качества.

Обзор литературы: Каминская Т. Л. и Петровская В. представили статью "Феномен "инфоцыганство" в современных медиа", опубликованную в журнале "Вопросы журналистики" в 2022 году. В статье рассматривается понятие "инфоцыганство" и его роль в современных медиа. Авторы исследуют такие вопросы, как мотивы и методы деятельности инфоцыган, проблемы, связанные с борьбой против них, а также влияние инфоцыганства на общество. Статья на сайте vc.ru "Как не попасть в руки инфоцыган и отличить образование от инфобиза: сравнительная таблица" предоставляет информацию о том, как отличить образовательные программы от мошеннических схем, использующих понятие "инфоцыганство". Авторы статьи предлагают таблицу сравнения основных характеристик настоящих образовательных программ и инфобизнеса. На сайте avidreaders.ru представлена книга "Хороший понт дороже денег или Стоп инфоцыган", которая рассматривает проблему инфоцыганства в современном мире. Автор книги рассказывает о своем опыте борьбы с инфоцыганами и дает советы, как не стать жертвой мошенников. Статья на сайте dzen.ru "Инфоцыгане в России" содержит обзор основных типов

инфоцыганства, которые встречаются в России. Автор статьи рассказывает о различных методах мошенничества, которые используются инфоцыганами в России, и предоставляет советы по защите от них.

Методы исследования: Для анализа темы "Инфоцыганство среди российских блогеров" можно использовать следующие эмпирические методы исследования:

Анализ контента социальных сетей: можно проанализировать публикации блогеров в социальных сетях на тему инфоцыганства и оценить уровень обсуждения этой темы среди российских блогеров. Также можно изучить реакцию аудитории на эти публикации, например, количество лайков, комментариев и репостов.

Анализ содержания публикаций: можно проанализировать содержание публикаций российских блогеров на тему инфоцыганства, выделить ключевые слова и фразы, а также определить частоту использования таких слов и фраз.

Результаты исследования:

Елена Блиновская является одним из известных блогеров-инфоцыгантов в России. Ее кейс можно рассматривать как пример такого явления. Инфоцыганство - это стратегия маркетинга, основанная на применении приемов психологического воздействия на аудиторию с целью получения прибыли. В случае Блиновской, она использует такие приемы, как создание привлекательного образа, эмоциональное воздействие на подписчиков, создание интригующих сюжетов и "фейерверков" на своих каналах в социальных сетях. Она также проводит платные марафоны и тренинги, обещая своим подписчикам уникальные знания и навыки в области бизнеса и саморазвития. Однако, Блиновская стала объектом критики из-за того, что ее методы могут быть считаны неэтичными и обманчивыми. Некоторые участники ее марафонов жаловались на недостаточную обратную связь и отсутствие конкретных инструкций, что вводило их в заблуждение. Также были случаи, когда участникам не возвращали деньги, если они высказывались негативно о марафоне. Также, Блиновская была обвинена в неэкологичных действиях, связанных с ее марафоном "Марафон желаний", в рамках которого участникам нужно было выпустить в небо воздушные шары. Российские экологические организации предупреждали о том, что это может привести к негативным последствиям для окружающей среды. Таким образом, кейс Блиновской может рассматриваться как пример инфоцыганства, когда блогер использует психологические приемы и маркетинговые техники для привлечения подписчиков и получения прибыли, но может столкнуться с критикой и обвинениями в неэтичности и обмане [7].

Результаты исследования указывают на определенные характеристики инфоцыганства,

которые могут быть негативными для потенциальных клиентов. Во-первых, инфоцыгане обещают решение глобальных проблем, а не конкретные навыки, что может создать нереалистические ожидания у клиентов. Во-вторых, они используют размытые формулировки, скрывая от аудитории учебные планы и не дают открытой информации до оплаты продукта. В-третьих, хвалебные отзывы могут быть недостаточно объективными, особенно если они идут только от первого потока участников, а в-четвертых, некоторые инфоцыганы не заключают договоров, либо устанавливают условия, при которых деньги за продукт участникам не возвращаются. Потенциальные клиенты инфоцыганства должны быть внимательны и не доверять настойчивым обещаниям, которые могут оказаться нереалистичными. Они должны быть осторожными при принятии решения о покупке продукта и обязательно изучить все условия договора перед его подписанием. Также следует проверять отзывы и рекомендации, не ограничиваясь только первым потоком участников. Инфоцыганство не является однозначно плохим явлением, однако потенциальные клиенты должны быть более бдительными и осведомленными перед принятием решения о покупке продукта.

Обсуждение: Анализ данных показывает, что женщины чаще, чем мужчины, приобретают курсы, тренинги или марафоны. Возможно, это связано с тем, что женщины больше заинтересованы в развитии своих профессиональных навыков и эмоциональной поддержке. Кроме того, респонденты в возрастной категории от 26 до 37 лет, независимо от занятости, склонны тратить деньги на онлайн-образование. Это может объясняться тем, что молодые люди чаще заинтересованы в карьерном росте и развитии. Стоит отметить, что значительная часть респондентов, потратившихся на онлайн-образование, считают, что результаты не оправдали затрат и больше не планируют участвовать в курсах, тренингах или марафонах. Это может быть связано с недостаточной квалификацией преподавателей, низким качеством материалов или несоответствием ожиданий и реальности. Возможно, для повышения качества онлайн-образования нужно разработать более эффективные методы оценки и контроля качества предоставляемых услуг. Также стоит отметить, что "инфоцыганство" является обманом, так как сами "инфоцыгане" не верят в эффективность своих методов [3].

Они зачастую не являются субъектами предпринимательской деятельности в России и не указывают свое настоящее имя и фактический адрес. Это может свидетельствовать о том, что "инфоцыганы" могут использовать нечестные методы для привлечения клиентов и получения прибыли. Это также может вызывать опасения у потенциальных клиентов и вызывать недоверие к онлайн-образованию в целом. В целом, результаты

опроса показывают, что онлайн-образование является популярным способом повышения профессиональных навыков и получения эмоциональной поддержки. Однако, для того чтобы повысить доверие к онлайн-образованию, необходимо улучшить качество пред

Инфоцыганство - это новое явление мошенничества в интернете, которое стало известным благодаря юмористическому сериалу «Миллионер из Балашихи». В этом явлении насмеяются над «инфобизнесменами», которые не обладают достаточным научным, юридическим или жизненным опытом, но пытаются учить людей инфобизнесу. Инфоцыгане продают онлайн-курсы, но они не обучают конкретным навыкам, таким как работа с персоналом или привлечение целевой аудитории. Вместо этого они рассказывают о важности уверенности в себе и постановки целей на будущее. Несмотря на то, что существует много действительно полезных образовательных курсов, инфоцыганство все еще процветает. Инфоцыгане убеждают свою аудиторию, что даже сложные цели можно достичь за короткий срок без прикладывания усилий [1, с. 71-84].

Заключение: Борьба с инфоцыганством — сложная задача, в которой участвуют многие заинтересованные стороны, в том числе государство, отдельные лица и частные лица. Вот несколько способов, которыми государство может помочь в борьбе с инфоцыганством:

Образование: Государство может информировать общественность об опасностях чрезмерного потребления информации и ее негативном влиянии на психическое здоровье. Это обучение должно быть сосредоточено на важности ограничения экранного времени, перерывов в работе с технологиями и нахождения баланса между онлайн- и офлайн-деятельностью.

Регулирование: государство может регулировать использование технологий, устанавливая ограничения на количество времени, которое люди могут проводить в Интернете, особенно для детей и подростков. Государство также может обеспечить соблюдение правил в отношении онлайн-контента, таких как предотвращение распространения фальшивых новостей и дезинформации.

Публичные кампании: Государство может проводить общественные кампании, направленные на повышение осведомленности об опасностях инфоцыганства. Эти кампании могут привлечь внимание к негативным последствиям чрезмерного использования технологий и побудить людей находить более здоровые способы потребления информации.

Группы поддержки: государство может создавать группы поддержки или телефоны доверия для людей, борющихся с инфоцыганством. Эти группы могут предоставить ресурсы и поддержку, чтобы помочь людям справиться со своей зависимостью от технологий и информации.

Исследования: государство может финансировать исследования влияния технологий на психическое здоровье и работать с экспертами, чтобы найти решения для смягчения негативного воздействия инфоцыганства.

Важно отметить, что государство в одиночку не может бороться с инфоцыганством и требует коллективных усилий отдельных лиц, частных лиц и государства.

Личностные особенности, которые могут привести к инфоцыганству, включают склонность к перфекционизму, тревожность, неуверенность в себе, низкую самооценку и сильное желание получать новую информацию. Также социальные и культурные факторы, такие как давление общества на постоянное обновление и доступность информации в Интернете, могут усиливать эту зависимость. Быстрое развитие технологий и доступность информации в наше время также играют роль в возникновении инфоцыганства. В современном мире люди могут получать информацию в любое время и в любом месте благодаря смартфонам, планшетам и другим мобильным устройствам. Кроме того, социальные медиа и другие онлайн-платформы предлагают огромное количество информации, доступной на один клик, что может усиливать желание людей получать и потреблять больше информации [2].

Инфоцыганство, также известное как инфомания или информационная зависимость, в последние годы вызывает все большую озабоченность среди российских блоггеров. С появлением социальных сетей и Интернета блоггеры часто сталкиваются с огромным объемом информации, которую необходимо просеять, обработать и поделиться со своей аудиторией.

Многие российские блоггеры стали одержимы постоянным поиском и обменом информацией, что привело к циклу зависимости и эмоционального выгорания. Это может привести к негативным последствиям для их психического здоровья, а также для их способности создавать качественный контент.

Кроме того, инфоцыганство также может способствовать распространению дезинформации и фейковых новостей, поскольку блоггеры могут спешить делиться информацией, не проверив ее достоверность. Это может быть особенно проблематично в России, где в последние годы широко распространены кампании по дезинформации [4].

Борьба с феноменом инфоцыганства может осуществляться на нескольких уровнях:

Регулирование: государственные органы могут ввести законы и правила, ограничивающие использование некоторых маркетинговых приемов, которые используют инфоцыгане. Например, можно ввести запрет на обещание получения супер-результата без определенных конкретных условий, запрет на обман клиентов и скрывание от них реальных затрат на продукт.

Пропаганда знаний: образование и информирование общества о таких приемах маркетинга могут помочь людям отличить лживые обещания от реальных возможностей. Это можно осуществлять через медиа, социальные сети, образовательные программы и другие каналы.

Контроль качества: компании-производители продуктов должны ставить перед собой задачу не только получения прибыли, но и создания продуктов, которые реально помогают людям решать их проблемы. Контроль качества продукции, публикация отзывов реальных пользователей, открытость процесса создания продукта и другие меры могут помочь бороться с инфоцыганством.

Сотрудничество: потребители также могут участвовать в борьбе с инфоцыганами, если будут делиться информацией с другими пользователями и сообществами о своих негативных и позитивных опытах с использованием определенных продуктов и услуг. Это поможет другим людям сделать более осознанный выбор и избежать негативных последствий.

Навсегда победить инфоцыганство невозможно по нескольким причинам. Во-первых, мир меняется и технологии развиваются. Инфоцыганы постоянно находят новые способы манипуляции информацией, чтобы обмануть людей и получить выгоду. Такие мошенничества могут быть связаны с мошеннической рекламой, фейковыми новостями, спамом и фишингом. Новые технологии, такие как генеративные алгоритмы и искусственный интеллект, могут быть использованы инфоцыганами для создания еще более убедительных и обманчивых контента. Во-вторых, существует большое количество людей, которые склонны верить в ложную информацию и не критически относиться к тому, что они читают и видят в интернете. Инфоцыганы могут использовать эту уязвимость для манипулирования мнениями и поведением людей. В-третьих, многие страны имеют разные правовые системы, которые могут препятствовать борьбе с инфоцыганством. Инфоцыганы могут использовать эту разницу в законодательстве, чтобы избежать наказания. Несмотря на это, существуют различные методы борьбы с инфоцыганством, такие как обучение критическому мышлению, контроль за рекламой и

контентом в социальных сетях, законодательные меры против мошенничества и дезинформации и другие подходы. Хотя полностью победить инфоцыганство невозможно, можно минимизировать его влияние на общество и защитить людей от негативных последствий.

В целом, инфоцыганство среди российских блогеров — сложная проблема, требующая пристального внимания и управления для обеспечения благополучия блогеров и достоверности информации, которой они делятся.

Список литературы:

Белоусова Д. А., Чертоляс Е. Ю. Восприятие профессий бизнес-тренера и коуча современными россиянами // Вестник науки. 2019. Т. 1, № 8 (17). С. 6–10.

Каминская Т. Л. Феномен "инфоцыганство" в современных медиа / Т. Л. Каминская, В. Петровская // Вопросы журналистики. 2022. № 11. С. 71-84.

Современные вызовы экономики и систем управления в России в условиях многополярного мира: сборник статей и тезисов докладов секций «Формирование новых смыслов: от векторных репрезентаций к семантическому вектору», «Культурный трансфер: формирование созидательного человеческого капитала» III международной научно-практической конференции (21–22 апреля 2022 г.). Санкт-Петербургский филиал Финуниверситета. // СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. С. 24.

Инфоцыганство в современных медиа [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/education/674827-kak-ne-popast-v-ruki-infocygan-i-otlichit-obrazovanie-ot-infobiza-sravnitel'naya-tablica> (Дата обращения 11.05.2023).

Проблема инфоцыган в современном мире [Электронный ресурс]. URL: <https://avidreaders.ru/book/horoshiy-pont-dorozheneg-ili-stop.html> (Дата обращения 11.05.2023).

Инфоцыгане в России [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZB1vfXUL9mL9NMqY> (Дата обращения 11.05.2023).

Кейс Блиновской [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230504/blinovskaya-1869748332.html> (Дата обращения 11.05.2023).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бояришев В.В.

аспирант 1 курса СГЭУ

научная специальность

«публично-правовые

(государственно-правовые науки)»

Ашурматов Д.Ф.

студент 5 курса ПОНБгос СГЭУ

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2023.1.90.364

Аннотация: В данной статье авторы проводят сравнительно-правовой анализ патентной системы налогообложения, обращаясь к теоретической и практической составляющей. Исследователи рассматривают патентную систему под призмой её преимуществ и недостатков для современных политико-правовых и экономических реалий.

Ключевые слова: налоги, субъект налогового права, налоговые правоотношения, патентная система, налоговая система, налогообложение

На сегодняшний день, вопросы в области налогового права являются одними из самых актуальных и востребованных, что подтверждается многочисленными научными работами исследователей по тематикам, касающимся налогового законодательства.

На территории России существует несколько видов налогообложения, а именно:

- общее налогообложение;
- упрощенная система налогообложения;
- единый сельскохозяйственный налог (не входящий ни в одну систему);
- патентная система налогообложения;
- налог на профессиональную деятельность для самозанятых граждан.

Все из вышеперечисленных видов, пользуются популярностью и активно функционируют в нашей стране.

Рассмотрим одну из наиболее интересных систем, патентную систему налогообложения.

К числу ученых, которые занимаются данной тематикой, относятся Л.И.Харченко[1], И.В.Стерляева[2], Д.В.Алонцева[3], Е.А.Смородина[4] и другие.

Под патентной системой понимается разновидность специального налогового режима для конкретных субъектов налогового права. В качестве таких субъектов выступают индивидуальные предприниматели.

Патентная система регулируется нормами налогового законодательства, а именно, главой 26.5 Налогового Кодекса Российской Федерации. Введение патентной системы налогообложения, стала своеобразной заменой единого налога на вмененный доход (ЕНВД) [5]. С одной существенной разницей, что в отличие от ЕНВД, который распространялся как на организации, так и на индивидуальных предпринимателей малого предпринимательства, патентная система налогообложения, как мы указывали выше распространяется исключительно только на одного субъекта, индивидуального предпринимателя. В

целом, данные системы похожи, поскольку в основе объекта налогообложения лежит возможный доход. Причем для налогообложения не имеет значения получен он или нет. Это обстоятельство является одновременно и плюсом, и минусом данных систем налогообложения. Положительным моментом может быть то, что этот доход все же будет получен, а еще лучше, что доходов будет больше, чем это предполагалось при расчете потенциального дохода. А если доходов будет меньше, чем изначально бралось для расчета этого налога, то налогоплательщик может получить убыток не только от предпринимательской деятельности, но и еще за счет уплаченного налога.

Объектом налогообложения, согласно патентной системе, выступает потенциально возможный к получению годового доход предпринимателя по конкретному виду деятельности, установленный законодательством субъекта.

Налоговым периодом считается один календарный год, а сама ставка составляет 6%, что также установлено и закреплено на законодательном уровне.

Важно заметить, если патент выдан на срок менее календарного года, то периодом логично считать срок, в рамках которого действует выданный субъекту налогового права патент.

Рассмотрим преимущества и недостатки патентной системы налогообложения.

Важно заметить, что существенными преимуществами ученые выделяют то:

- что индивидуальному предпринимателю нет необходимости заполнять налоговые декларации;
- что нет необходимости подавать налоговые декларации в налоговые органы;
- что определяется достаточно базовая и простая форма учета патентной системы;
- что для отдельных видов деятельности нет необходимости использования контрольно-кассовой техники, всё достаточно просто и согласно трендам информатизации;

-что, субъект в патентной системе освобождается от уплаты НДС, НДФЛ и налога на имущество, используемого в процессе предпринимательской деятельности;

-что субъект при патентной системе освобождается от уплаты торгового сбора.

К недостаткам стоит отнести то:

-что к индивидуальным предпринимателю по патентной системе установлены максимальная сумма годового дохода, которая составляет 6000000 рублей;

-что количество сотрудников индивидуального предпринимателя не должно превышать 15 человек за всё время пользования патентом;

-что, при несвоевременной уплаченной ставки патента или подаче заявления, индивидуальный предприниматель автоматически переводится на основной налоговый режим, который уже значительно выше по процентной ставке.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что патентная система является интересной модификацией налогового режима для индивидуальных предпринимателей, который при должном обращении с легкостью может привести к эффективной реализации предпринимательской деятельности.

Список литературы:

Харченко Л. И. Проблемы применения патентной системы налогообложения в России / Л. И. Харченко // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2016. – № 12. – С. 51-56.

Стерляева Н. В. Проблемы применения патентной системы налогообложения в России / Н. В. Стерляева // МНСК-2018: Государство и право : Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 22–27 апреля 2018 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2018. – С. 60-61.

Алонцева Д. В. Исторический аспект развития патентной системы налогообложения в России / Д. В. Алонцева // Материалы областного профильного семинара "Школа молодых ученых" по проблемам гуманитарных наук, Елец, 04–05 июня 2015 года. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2015. – С. 3-8.

Смородина Е. А. Риски и проблемы применения патентной системы налогообложения в России / Е. А. Смородина // Национальная Ассоциация Ученых. – 2015. – № 9-2(14). – С. 87-89.

Кривобокова Д.Ю., Цельникер Г.Ф. Перспективы применения единого налога на вмененный доход/Материалы 18-й Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Том Часть 1. – 2020- С. 190-193.

#5(90), 2023 часть 1
Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.
Периодичность: 12 номеров в год.
Формат - А4, цветная печать
Все статьи рецензируются
Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#5(90), 2023 part 1
Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

**Давид Ковалик (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

**Питер Кларквуд (Университетский
колледж Лондона)**

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

**Александр Климек (Польская академия
наук)**

**Александр Роговский (Ягеллонский
университет)**

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

**Бартош Мазуркевич (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

**Миколай Жуковский (Варшавский
университет)**

**Матеуш Маршалек (Ягеллонский
университет)**

**Шимон Матысяк (Польская академия
наук)**

**Михал Невядомский (Институт
международных отношений)**

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Kracow University of
Technology named Tadeusz Kościuszko)**

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

**Alexander Klimek (Polish Academy of
Sciences)**

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko
Cracow University of Technology)**

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

**Szymon Matysiak (Polish Academy of
Sciences)**

**Michał Niewiadomski (Institute of
International Relations)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>